

18+

Джилл Симс

ПОЧЕМУ

МАМУ

ВСЁ

ДОСТАЛО

ДНЕВНИК
ИЗМОЩЕННОЙ
МАМЫ

Бестселлер №1
Sunday
Times

Джилл Симс
Почему маму всё достало
Серия «Дневник измотанной мамы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51675623

Почему маму всё достало: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-118148-2

Аннотация

Добро пожаловать в мир типичной мамы! Любимый муж стал бывшим, сын Питер и дочь Джейн превратились в неуправляемых подростков и живут в виртуальном мире, и даже верный пес Джаджи обижается на маму, когда та уезжает на работу.

Мама старается быть ближе с детьми, но те лишь фыркают и мычат. Она пытается создать уют в новом доме, но на стенах появляются пятна сырости, а с кухни исчезает вся еда и посуда. И как перестать переживать по каждому пустяку и отпустить ситуацию?

Мама пишет дневник о том, что волнует многих женщин: как воспитывать детей и не нанести им психологическую травму, как оставаться привлекательной и не терять чувство юмора даже в самые трудные моменты, ведь жизнь слишком коротка, чтобы воспринимать ее всерьез.

Содержание

Январь	5
Среда, 3 января	5
Апрель	22
Пятница, 6 апреля	22
Суббота, 7 апреля	32
Суббота, 14 апреля	54
Понедельник, 16 апреля	91
Воскресенье, 22 апреля	103
Среда, 25 апреля	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Джилл Симс

Почему маму всё достало

Роне... снежной лавине

Gill Sims

WHY MUMMY DOESN'T GIVE A ****

The diary of an exhausted mum

Originally published in the English language by HarperCollins
Publishers Ltd

© Gill Sims

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Январь

Среда, 3 января

Первый рабочий день после рождественских и новогодних праздников всегда дается с трудом. Мало того, что организм в шоке от резкой смены режима, и теперь утро для него начинается не в два часа дня с бокала белого вина и сыра вприкуску с шоколадными батончиками и конфетами, а как и положено – с нормального завтрака, так еще и сознание отказывается воспринимать себя взрослым человеком на ответственной работе, а одежда стала тесной за эти дни. А уж если после первого рабочего дня запланирован первый сеанс семейной психотерапии после, скажем так, «трудного» Рождества, то радости, конечно, вообще никакой.

Кристину мне порекомендовали как очень хорошего специалиста. Моя коллега Дебби из отдела кадров рассказывала, что Кристина спасла от развода семью сестры Дебби – и это после того, как зять десять лет изменял ее сестре с учительницей своих дочек-близняшек, а началось все это у них, когда девочки пошли в первый класс, и вылезло наружу, когда близняшки уже заканчивали школу, так еще этот извращенец, оказывается, любил измазаться клеем и обваляться в блестках, чтобы училка его отшлепала (отсюда у него такая

страсть к учительнице начальных классов, у которой этого клея и блесок было завались), так что я подумала, что раз уж Кристине удалось как по мановению волшебной палочки *такую* передрагу разрешить, то наша с Саймоном размолвка будет для нее пустяковой задачей.

Да и к тому же у нас все было без особых заскоков. Ведь не изменял же он мне с женщиной, которой я дарила вино и кружки с надписью «Лучшему учителю на свете», а она, сидя напротив меня на родительском собрании, не внушала, как важно читать перед сном вместе с моими драгоценными деточками, в то время как у самой на прикроватном столике переливался всеми цветами любимых блесок член моего мужа, слепленный в натуральную величину из школьного пластилина, оставшегося от детских поделок на День матери. То есть я хочу сказать, что в этом контексте *перепихон* Саймона с какой-то знойной *синьоритой* во время командировки в Мадриде – не *такая уж* трагедия. В конце концов, все могло быть намного хуже, не так ли?

Это я и твердила сама себе всю дорогу: «Выше голову! Могло быть и хуже!» У него могла быть нездоровая тяга наряжаться в стиле старушки Энн Уиддекомб. Или он западал бы на кого-нибудь, одетого как Энн Уиддекомб (уж не знаю, что из этого хуже). Он мог бы пойти по стопам Идеального Папочки Идеальной Люси Аткинсон, который бросил Идеальную Мамочку Люси в подвешенном состоянии, когда переметнулся к Фионе Монтегю, лучшей подруге и подража-

тельнице Идеальной Мамочки, и тем самым обрек Идеальную Мамочку на ежедневные встречи с Фионой Монтегю у школьных ворот (она мне никогда не нравилась, вся такая самодовольная, вечно лезет из кожи вон, чтобы произвести впечатление, – хотя ясно-понятно, что Идеальному Папочке нравилось, как Фиона старалась его впечатлить, с тех пор как они съехались, он сильно раздобрел на ее бесконечных капкейках, которыми она завалила свой инстаграм). Конечно, наши дети уже подросли и встречать их у ворот школы не нужно, так что сия участь меня в любом случае миновала. Да и капкейки Саймон не любит.

Хотя, с другой стороны, все было достаточно серьезно. Когда пару месяцев назад Саймон выдал эту новость, мне показалось, что меня ударили под дых. Реально, как будто из меня выпустили воздух. До сих пор не пойму, чем он руководствовался, когда решил признаться в измене. Он говорит, из чувства вины.

Я слышала, что люди говорили о какой-то «буре эмоций», но, честно признаться, до меня не доходило, что это такое, пока меня саму не стало швырять из ярости в отчаяние, а временами я готова была убить его, но потом на меня находило какое-то спокойствие, и я убеждала себя, что мы двое взрослых людей, проживших бок о бок почти четверть века, плюс-минус год-два, у нас двое взрослых детей, мы любим друг друга и сможем преодолеть эти временные трудности – а затем весь цикл эмоций повторялся снова. Мне было так

плохо, что кусок в горло не лез, и я три дня ничего не ела, чего со мной раньше никогда не приключалось; обычно я безудержно заедала свой стресс всем чем только можно. Но не в этот раз. Я сбросила почти пять килограммов, так что нет худа без добра.

Спустя пару недель, в течение которых Саймон ходил с видом побитой собаки и повторял без конца, что он виноват, ярость во мне так и не утихла, все наши попытки обсудить ситуацию как взрослые люди заканчивались моими криками, что я поотрубаю ему яйца, если он еще раз вякнет, что тот случай ничего для него не значил, потому что если бы это *было так*, то какого черта он это сделал, и да, конечно, я поняла, что это был «просто секс», но может быть, уже хватит об этом говорить? – и в конце концов стало понятно, что мы зашли в тупик и нам потребуется профессиональная помощь.

Я услышала, как Дебби из отдела кадров расхваливала чудеса психотерапии Кристины (попутно она рассказывала о рождественских украшениях, которые можно самим смастерить из поделочной глины), и тут я, как бы между делом, попросила номер Кристины, «для подружки», конечно же, потому что нельзя посвящать Дебби в то, что впоследствии будет доведено до сведения всего офиса. Эта ее черта бывает полезна, если вы хотите, чтобы какой-нибудь слух разнесся со скоростью света, – просто скажите Дебби, что информация «*строго* конфиденциальна», и можете быть уверены на

сто процентов, что к концу рабочего дня каждый сотрудник будет в курсе событий.

Саймон сначала не горел желанием идти к психотерапевту, его первой реакцией, как у всех британцев, было ворчание по поводу того, что «неприлично полоскать свое белье на людях» и «все эти модные веяния слишком уж нью-эйдж», но когда я сказала, что это может прекратить наши скандалы, он нехотя согласился попробовать. Вот так мы и оказались у психотерапевта.

Однако после первого сеанса Саймон на удивление проникся идеей. Я думаю, что ему пришлось по душе слова Кристины о том, что не в ее правилах обвинять кого-либо или судить, кто прав, кто виноват, ее роль заключается в том, чтобы способствовать нашему с ним диалогу и предоставить нам возможность обсудить все без осуждения. Саймону также весьма понравилось, что Кристина пресекала любое повышение тона, то есть мне не разрешалось орать на него, и он мог рассчитывать на час тишины в неделю.

Мне все происходящее у Кристины казалось сплошным надувательством. Я рассчитывала, что уж она-то будет обвинять, осуждать, корить Саймона за его непотребное поведение, встанет на мою сторону и вынесет такой вердикт, чтобы он смог сполна искупить свои грехи, и тогда мы бы смогли как-то жить дальше, ну после того, разумеется, как он возместит ущерб в супружеской версии общественных работ, – ну, не знаю, гладил бы до скончания лет все постельное белье,

пожизненно менял туалетную бумагу, когда она заканчивается, но сначала его закуют в кандалы и выпорют, конечно. Как-то так.

Однако вместо того, чтобы сойтись во мнении, какой же мерзавец наш Саймон и что его ждет неминуемая расплата, прежде чем мы сможем двигаться дальше, Кристина повторяла что-то нейтральное, типа: «Ааа, мммм. А что Вы тогда почувствовали?»

На сегодняшнем сеансе все повторилось как обычно – Саймон был удивительно говорлив по поводу того, что же он тогда почувствовал, а особенно как он себя почувствовал с испанской *синьоритой* («Живым. Желанным. Как будто я нужен!»). Сформулировать, как я себя чувствовала, было не так легко...

– Хммммм. А как Вы, Эллен, себя почувствовали, когда Саймон так себя ощутил?

– Замечательно! Просто *прекрасно!* Абсолютно! – шипела я сквозь зубы, потому что Кристина не разрешала кричать и оскорблять, и, соответственно, я не могла заорать: «Ты был *нужен мне*, бесчувственный ты болван. Тебе хотелось чувствовать себя желанным – замечательно, а как насчет меня? Я ведь *не побежала* в койку с первым встречным? Я ведь помнила о супружеском обете, хоть и *могла* заняться сексом с кем угодно, стоило мне только пальцем поманить, но я ведь этого *не делала*, потому что Я НЕ ШЛЮХА, а теперь, оказывается, мне нужно тебя *пожалеть*? Простить за то, что

для тебя вообще «ничего не значило», однако ж, чувствовал ты себя при этом живым и желанным. Кто ты после этого, СВООООООЛОЧЧЬ!»

Но Кристина на это сказала: «Я чувствую, что от Вас, Эллен, исходит гнев, много гнева».

– Что вы, – пыталась я отмахнуться. – Нет во мне никакого гнева!

– Я чувствую, что Вы сдерживаете в себе очень много гнева, Эллен. Не хотите поговорить об этом? – задумчиво говорила Кристина, а Саймон при этом многозначительно кивал, а у меня внутри все кипело, потому что, *разумеется*, это я привношу до фига гнева в этот сеанс психотерапии. Если бы не мой гнев, не моя боль и не мое отчаяние, то мы бы здесь и не оказались, и вообще-то вся затея была ради того, чтобы Кристина помогла мне чувствовать *меньше* гнева, а не больше, не так ли? Говорить мне, что я в гневе за мои же 70 фунтов в час? После первого сеанса я даже засомневалась, а не переквалифицироваться ли мне в психотерапевта, только не такого никчемного, как Кристина, а лучше, и вместо того, чтобы спрашивать: «И что Вы тогда почувствовали?» и увиливать от обвинений, я бы говорила: «Да уж, хреново, дальше некуда!» и «Муженек-то у Вас мудак!» У меня бы здорово получалось! Но Саймон заверил меня, что суть психотерапии не в этом, и уж если бы народу нужны были доморощенные советы, то такого добра завались бесплатно на сайте Mumsnet.

И тут во мне что-то перемкнуло. Может быть, мысль о той обуви, которую я могла бы закупить на 70 фунтов, но вместо этого заплатила их Кристине, чтобы услышать от нее, что я несколько разгневана.

– А Вас удивляет, что я в гневе? – огрызнулась я. – Ведь всегда все только для Саймона. Что *Саймон* хочет. Что *Саймон* чувствует. Что *Саймону* нужно. А кому важно, что я хочу? Кому есть дело до моих чувств? Кому нужны мои потребности? Никому! Все, чем мы здесь занимаемся, так это обсуждаем, что чувствует *Саймон*.

– Ну, вообще-то я все время спрашиваю Вас, что Вы чувствуете, а у Вас всегда один ответ «Замечательно», – мягко встала Кристина.

– Так вот, совсем не замечательно! – зарычала я. – Мой муж переспал с другой, и мой брак трещит по швам. С чего Вы взяли, что у меня все *замечательно*?

– Но я так и не считаю, – ответила Кристина. – Вот поэтому я и спрашиваю Вас, что Вы чувствуете. Ведь это *Вы* все время твердите, что у Вас все замечательно, и отрицаете наличие гнева и печали. Продолжайте.

– Саймон говорит, что он чувствовал себя лишним и ненужным. А не приходило ему на ум, что я ощущала то же самое? И продолжаю чувствовать так же, только в миллион раз сильнее? Он нашел себе кого-то, кому он стал «нужен», получил свою дозу возбуждения, удовлетворения, горячего секса по-испански, а у меня что? Ничего. Ему досталось все

удовольствие, а мне, значит, надо перетерпеть и жить дальше как ни в чем не бывало. А ведь я так и осталась с человеком, который меня даже не замечает, уж не говоря о том, что *не хочет* меня.

– Я замечаю тебя, – возразил Саймон.

– Нет, не замечаешь, – в сердцах отрезала я. – Ты на меня даже не смотришь, я *присутствую*, как старая мебель. Ты не замечаешь, как я выгляжу, чем я занимаюсь, и тебе все равно, что я чувствую.

– Мне *не все равно*, как ты выглядишь, – упорствовал Саймон.

– Как же! Что бы я ни надела, тебе все равно, ты никогда ничего не говоришь, ни разу комплимента от тебя не слышала. А когда я спрашиваю, как я выгляжу, ты даже не удосуживаешься поднять взгляд от планшета, просто бурчишь: «Нормально выглядишь» – и все.

– Но ты нормально выглядишь. Всегда выглядишь хорошо. Что ты хочешь от меня услышать?

– Саймон, «нормально выглядишь» означает, что ты выглядишь прилично, юбка не заправлена в трусы, в зубах не застрял шпинат, и в таком виде можно выйти из дома. Ты не замечаешь, сделала ли я укладку, надела ли новое платье, или с косметикой как-то постаралась. Ты заставляешь меня выпрашивать у тебя даже такую малость, как «нормально выглядишь»!

– Не думал, что это так для тебя важно. Извини. Больше

не буду говорить «нормально выглядишь».

– Ну, так сделай мне сейчас комплимент. Давай. Скажи мне что-нибудь приятное.

– Очень хорошо, – выдавила из себя Кристина.

– Нууу, – Саймон задумался. – О, знаю. Ты готовишь лучшую лазанью, которую я когда-либо пробовал.

Я уставилась на него в изумлении.

– Лазанью? Правда? ЛАЗАНЬЮ? Это единственное, самое ЗАПОМИНАЮЩЕЕСЯ, что есть во мне? Долбанная ЛАЗАНЬЯ?

– Ну, ты застала меня врасплох, а про другие вещи, о которых я вспомнил, здесь говорить неудобно.

– Лазанья, значит. Вот к чему ты меня свел. Двадцать пять лет совместной жизни – и все благодаря лазанье? – громким стоном вырвалось у меня.

– Эллен, я хотела бы попросить Вас не повышать голоса, – промолвила Кристина отвратительно спокойным голосом.

– Ох уж простите, извините. Я не буду устраивать здесь сцен и биться в падучей. Но, Кристина, послушайте, Вы говорите мне, что я в гневе, а Вас не удивляет после таких его слов, почему я в гневе?

– Эллен, Вы же знаете, что я не принимаю ничью сторону. Ведь речь не обо мне, а о вас с Саймоном. Саймон, что Вы чувствуете, когда Эллен говорит, что Вы ее больше не замечаете?

– Я считаю, это лицемерие, потому что она тоже не заме-

чает меня, – сердито бросил Саймон. – Она не знает, кто я, чего хочу от жизни, что мне интересно, что меня заводит...

– Видимо, если не лазанья, то испанские тапас, – вставила я.

– Эллен, я бы хотела попросить Вас не прерывать Саймона в очередной раз. Дайте ему высказаться, – сказала Кристина. У этой Кристины не забалуешь, она ведет свои сессии как чертова домомучительница. Совсем не удивлюсь, если в один прекрасный день она поставит меня в угол.

Саймон продолжал:

– Ты хочешь сохранить семью. Тебе не хочется, чтобы дети болтались между двумя домами на выходных, чтобы их познакомили с мачехой или отчимом, чтобы они были разменными пешками в шахматной партии родителей, как это было у тебя в детстве. И я уверен, что мы здесь только потому, что ты хочешь оградить от всего этого детей, а не потому, что ты жаждешь остаться со мной. Ты говоришь, что я тебя не замечаю. Ну так и ты тоже не замечаешь меня. Кто угодно может быть вместо меня. Анонимный персонаж, некий условный муж и отец детей, который нужен для склейки твоей жизни.

– Уж лучше, чем домработница, повариха и нянька в одном лице, за которую ты держишь меня, – накинулась я.

– Эллен, в последний раз предупреждаю, воздержитесь от того, чтобы перебивать Саймона, – сказала Кристина. – В следующий раз я буду вынуждена показать Вам желтую карточку.

Я в ярости уставилась на нее. В ее взгляде яду было тоже немало. Было ясно-понятно, что «желтая карточка» в мире взрослых – это то же самое, что поставить в угол ребенка. Саймону она никогда не угрожала желтой карточкой. Она явно симпатизировала ему больше, чем мне, и это было нечестно. Я уже была готова, что она как взрослая спустится на мой детский уровень, посмотрит строго мне в глаза и скажет, что при счете три я должна перестать баловаться и начать вести себя как следует.

– Я даже не уверен, любишь ли ты меня еще, Эллен, – с трагичным вздохом выдал Саймон. – И это вызывает у меня следующий вопрос: а люблю ли я тебя? Даже и не знаю.

Я открыла было рот, чтобы ответить ему – и пошла ты к черту Кристина со своей желтой карточкой, – как вдруг она встрепенулась: «Ах, это так важно, но, боюсь, что время на сегодня вышло!»

Так тебе, оказывается, можно перебивать других, да, Кристина?

В полной прострации я натянула на себя плащ, и мы покинули офис Кристины. На улице, от холодного ветра, который бился по щекам как рыба об лед, я пришла в себя.

– Так ты меня больше не любишь? – набросилась я на Саймона. – А зачем же тогда это все, если ты меня больше не любишь? Зачем ты меня через это заставил пройти?

– Не устраивай сцен, Эллен, не на улице! – резко сказал Саймон. – Пошли, – добавил он, подталкивая меня к бару

рядом с офисом Кристины. – Зайдем, выпьем.

– Тебя реально беспокоит, что я закачу *сцену на улице*? И вообще надо возвращаться домой, там дети одни, – возразила я.

– Ничего, еще полчасика побудут одни. Нам надо поговорить.

– Мы уже *вдоволь* наговорились. Ты достаточно ясно высказался. О чем еще говорить?

– Я хочу сказать тебе *еще* кое-что.

Бар оказался довольно уютным. С милыми кабинками и атмосферной подсветкой, при любых других обстоятельствах моим первым желанием было бы заинстаграмить наш столик. Саймон взял мне бокал вина и сел рядом.

– Так дальше жить нельзя, – сказал он. – Ты терзаешь себя. Я так больше не могу.

– Ты не можешь? То есть человек, который должен быть всегда рядом со мной, который никогда не должен был причинять мне боль, хоть он фактически вырвал мне сердце и растоптал, бросает меня, потому что не может видеть, как мне больно, а мне нужно просто плюнуть и растереть? Ты мне изменил, сравнил меня с лазаньей, сказал, что не любишь меня, и что? Мне надлежит *радоваться* сейчас? Йух-хууу! Мой муж, отец моих детей, меня больше не любит! *Офигенно* в моей жизни все сложилось! Уррааа!

– Пожалуйста, говори потише! – зашипел он. – Я не говорил, что не люблю тебя.

– Говорил.

– Нет, я сказал, что не уверен, что люблю. Не уверен также в том, что и ты меня любишь. Конечно, я *люблю* тебя, просто я не уверен, что все еще люблю тебя так же, как *тогда*. Я хочу сказать, что даже и не знаю, хочешь ли ты все еще быть моей женой, – печально заключил он.

– Ну, конечно же, хочу, – запротестовала я. – Я бы не согласилась на все это, если бы не хотела. А *ты* разве не хочешь спасти наш брак?

– Не знаю. Не знаю, чего хочу. Я знаю, что я несчастен, и был несчастен довольно долго, задолго до того, как все случилось. Я знаю, что не могу больше извиняться, и даже если бы хотел, мои извинения ничего не изменят. Я знаю, что не могу пытаться изменить прошлое, я могу только поменять будущее, но учитывая сложившуюся ситуацию, ты мне не позволишь это сделать, потому что ты застряла в прошлом. Поэтому, мне кажется, нам надо пожить какое-то время отдельно.

– Что, потянуло отдохнуть от нас на выходных? *Очередная* пассия?

– Нет, я имею в виду другое. Джефф с работы переезжает в Нью-Йорк на три месяца и не хочет, чтобы квартира пустовала в это время. Я предложил, что перееду к нему и присмотрю за хозяйством. Как раз у нас будет возможность побыть порознь, подумать, попытаться понять, чего мы действительно хотим. Я съеду к нему сегодня вечером. У ме-

ня была последняя надежда, что вечером у Кристины что-то произойдет, и ты начнешь выбираться из прошлого, но не случилось, поэтому надо что-то менять.

– Ты меня бросаешь? – выдавила я из себя. – После всего того, через что мне пришлось пройти, ты меня бросаешь? И ты это обставляешь такими истертыми клише, как «я тебя люблю, но не *так*, как прежде» и что «мне нужно время»? Не мог придумать что-нибудь оригинальнее? Господи, не хватает только фразы «моя жена меня не понимает».

– Вообще-то мне *нужно* время, и, да, мне нужно свое пространство. И ты *не понимаешь*, каково мне приходится. Я не могу оставаться с тобой, если на мне все время будет клеймо преступника, а в тебе клокочет неиссякаемый гнев. Это разрушает нас обоих.

– Ах, вот оно что. Отлично, ты забил хет-трик в матче «Как бросить свою жену». То есть ты просто уходишь, съезжаешь к Джеффу в его милую холостяцкую студию и будешь жить долго и счастливо, пока я тут собираю обломки своей разбитой жизни – в очередной раз? Только потому, что тебе, видишь ли, *не по себе*, что я так расстроена твоей изменой, а ты что? Будешь *искать* себя?

– Эллен, не передергивай, все не так.

Я залпом допила вино.

– Все *именно* так.

– Я просто хочу вновь обрести себя, понять, кто я такой, вот и все. Помимо того, что я отец и муж.

– Я скажу тебе, чего ты хочешь. Почувствовал свободу, вкусил запретного плода, а теперь еще захотелось, но только жена с детьми как ярмо на твоей шее висят. Да к тому же это ярмо с кандалами никак не заткнется, а то была бы паинькой, молча смотрела бы сквозь пальцы на то, как ты пытаешься на двух стульях усидеть. И поэтому ты выбираешь легкое решение, просто сваливаешь. Ты у нас снова холостой, а я у разбитого корыта и еще твоих детей буду дальше тянуть. Что ж, замечательно придумал. Просто замечательно. Раз уж ты так решил, давай – вперед, никто за тебя цепляться не будет. Если ты думал, что я буду сидеть здесь и *умолять* тебя остаться, то ты ошибаешься. Желаю счастья в личной жизни, Саймон. Хотя нет, не так. Пусть у тебя хрен отвалится. Прощай!

– Я не *ухожу* от тебя, мне просто нужно...

– Будь так любезен, проваливай. Вали туда, где ты больше «нужен».

– Эллен, ну пожалуйста...

Я вышла из бара с гордо поднятой головой и шла так до небольшой игровой площадки в парке за углом, где рухнула на лавочку и разрыдалась. Слава богу, было уже темно и на площадке не было малышни на качелях, которых бы испугала одинокая сумасшедшая тетя, рыдающая во весь голос. Сколько долгих часов провела я на таких лавочках, пока Питер и Джейн играли (и дрались) на площадке, морозила свой зад и думала: «Быстрее бы домой» – но ни разу мне не

приходила мысль, что я вот так же буду сидеть на лавочке и обливаться слезами, потому что Саймон меня бросил. Я-то думала, что мы будем вместе с ним стариться. Никогда не представляла свое будущее без него.

Я вытерла слезы весьма подозрительной на вид салфеткой, которую отыскала в кармане плаща (когда дети были маленькими, к этой салфетке прилагались прилипшие надкушенные мармеладные мишки, которыми я бы закусила), и решила, что так тому и быть. Мне ни в чем нельзя было ни на кого положиться, в очередной раз. Хотя у Идеальной Мамочки Идеальной Люси Аткинсон должен быть номерок грамотного юриста по разводам.

Однако жаль, думала я про себя с превеликой досадой, что мне не вернуться в тот милый бар и не сделать несколько снимков для инстаграма, потому как этот бар навсегда стал «баром, где Саймон меня бросил». Если он собирался уходить от меня, мог бы сделать это в какой-нибудь забегаловке и не портить такое хорошее место. Эгоистичный ублюдок.

Апрель

Пятница, 6 апреля

Я проснулась в панике, с пересохшим ртом, с бешено колотящимся сердцем, в полной уверенности, что проспала будильник и что грузчики уже стоят под дверью. Их не было, естественно, потому что какие грузчики в 3:43 утра, но поскольку просыпалась я уже в шестой раз за ночь, то с каждым разом шансы проспять будильник увеличивались, как и моя паника. Да и сон урывками усугублял ситуацию, и снились мне какие-то ужасы, например, что грузчики приехали, а у меня ничего не готово и мы не можем никуда ехать, а еще приснился кошмар, что грузчики приехали, все аккуратно запаковано, и под моим четким руководством они все так дружно и гладко грузят, а я стою на лужайке перед этими двумя здоровыми бугаями, которые тащат в грузовик диван, и с ужасом понимаю, что я абсолютно голая, но все вокруг настолько любезны, что как будто не замечают этого, хотя наверняка грузчикам была нанесена пожизненная производственная травма от вида голой сорокапятилетней женщины с поникшими сиськами, которая настойчиво просит их обращаться аккуратнее с сервантом, потому что это семейная реликвия.

Но откуда взялся этот сервант в моем сне? У меня его больше нет. Сервант принадлежал бабушке Саймона, поэтому он его и забрал. По признанию самого Саймона, сервант ему не нравился, более того, Саймон испытывал к нему что-то типа беспричинного отвращения с тех самых пор, как я попыталась придать серванту шик потертости и выкрасила его в прелестный светло-желто-зеленоватый цвет, но я настаивала на справедливом разделе имущества, поэтому сервант достался Саймону. Конечно же, лишь из соображений справедливости я позволила Саймону забрать сервант, а никак из зловредной мстительности или садистского удовольствия от мысли, что при каждом взгляде на сервант Саймону будет не по себе, потому что сервант выбивается из минималистичного дизайна, который Саймон так стремился воплотить в своей новенькой квартирке, но от наследства бабушки избавиться было никак нельзя.

Когда Саймон объявил, что съезжает, дабы «предоставить нам немного пространства», я ушами не хлопала. Я наслушалась историй от друзей и коллег о подобных ситуациях, когда их супруги отчаливали, убеждая, что это они ненадолго, что им просто надо немного времени подумать. Они уходили «подумать», а через месяц общий банковский счет закрывался, в почтовом ящике лежало письмо от адвоката, а на пороге появлялся агент по недвижимости, который объявлял, что пришел провести оценку, то есть «немного времени подумать» было лишь хитрым предлогом, чтобы разъ-

ехаться с минимальной волокитой и максимальной финансовой выгодой для покидающей стороны.

Меня на этом не проведешь. На следующий же день я проверила банковский счет и увидела, что Саймон снял значительную сумму, – очевидно, для оплаты аренды квартиры Джеффа (оказалось, Джефф не предоставлял свои апартаменты безвозмездно, как пытался выставить дело Саймон), и, выслушав претензии Саймона, что общий счет предназначен для текущих расходов, я возразила, что это была его идея съехать жить в дорогущую квартиру и почему это я должна спонсировать его дурацкие решения, я позвонила агентам по недвижимости и юристам, сняла причитающуюся мне часть денег с общего счета и в целом запустила маховик. К сожалению, наш дом вырос в цене с тех пор, как мы его приобрели, и ни один из нас по отдельности не мог позволить себе выкупить вторую часть, посему дом надлежало выставить на продажу, под постоянное бляение Саймона, что я тороплю события, а у него и в мыслях не было съезжать навсегда.

Я не ожидала, что добротные дома в районе с приличными школами уходят по рыночным ценам так быстро – настолько быстро, что мне самой оставалось не так много времени, чтобы найти жилье для себя и детей. И вот лежу я с широко открытыми глазами, пялюсь в потолок и вижу свое будущее, в котором я старею одна, без Саймона, в маленьком каменном домике, с увитой розами входной дверью. С другой стороны, это же я буду стареть в своем маленьком каменном домике с

увитой розами дверь. Вот на чем надо фокусироваться – на плюсах, а не на минусах. Саймон всегда препирался со мной по поводу моей любви к простеньким деревенским домам, он мрачно ворчал о неэффективном отоплении, отсутствии двойных оконных рам, низких потолках (ну уж с низкими потолками будет *проще* отапливать дом, неизменно парировала я). Он цокал языком, тыкал во все недочеты в описаниях из брошюр «Дома мечты», которые я ему подсовывала, сокрушался по поводу гнили и ржавчины, сырости и ветхости, кричал, что это «бездонная денежная яма», в ответ на мои крики, что дом – это, прежде всего, характер и душа. У ДОМА ЕСТЬ ХАРАКТЕР И ДУША! Что по сравнению с ними какая-то плесень на стенах?

Как архитектор Саймон всегда козырял передо мной (простым «человеком за компом», как он называл мою работу) всяческими техническими терминами при описании дома, пугал стоимостью новой крыши (потому что, по его мнению, каждый дом, в который я влюблялась, нуждался в новой крыше, несмотря на то что уже в течение столетия у дома была исправно функционирующая крытая шифером крепкая крыша), и так, шаг за шагом, все мои мечты рассыпались под прессом его нудного практицизма.

Но теперь, в отсутствие Саймона, этого подлого нытика, разбившего не одну мою мечту о кухне с каменным полом и сводчатыми окнами, я наконец-таки нашла свой дом мечты, и сегодня мы туда переезжаем. Ну, ладно, может быть,

это и *не совсем* Дом Моей Мечты. Моих финансов на него бы и не хватило, но не было бы счастья, да несчастье помогло: Луиза, теперь уже моя бывшая золовка, окончательно помешалась на феминизме и решила, что нанесет сокрушительный удар по патриархату, став лесбиянкой и переехав в женскую коммуну со своей новой подружкой Изабель, тем самым *наконец-то* освободив дом, который она всеми правдами, неправдами и эмоциональным шантажом вынудила меня приобрести для нее несколько лет назад. Мое подспудное сопротивление насильному спонсорству вольного образа жизни Луизы, когда мне пришлось отстегнуть денег с единственного успешного финансового проекта, который у меня был тогда, а именно от продажи моего замечательного приложения «Почему мама хочет напиться», очевидно никак не способствовало нашему разводу с Саймоном, *никоим образом*. Но она съехала, ее (мой) дом продан, и денежное вливание от его продажи пошло на приобретение в ипотеку Дома, Отдаленно Похожего на Мечту, по не такой уж и грабительской ставке. Уррааа! Там будет волшебно. Если не замечать сырость. Да и любое сырое пятно можно спокойно закрасить. Да и времени ждать, пока на рынке появится сказочный домик, у меня не было, так что если и переезжать в дом с тремя отдельными комнатами для меня и разнополых детей и садовым участком для собаки, то придется уехать за несколько миль от города.

Тем не менее. У меня будет свой огород, и я буду выгля-

деть очаровательно в резиновых сапогах и прелестных платьишках в цветочек от Cath Kidston (хотя вряд ли это будут настоящие Cath Kidston, потому что они до чертиков дорогие, а я ведь теперь мать-одиночка, так что, скорее всего, это будет доступная паль с eBay). Решила, что заведу себе курочек-пеструшек породы суссекс, потому что название мне понравилось, и к тому же гугл говорит, что они очень общительные. Кому нужно человеческое общение, если у вас говорливые несушки? Остается лишь надеяться, что мой пес Джаджи не позарится на моих общительных курочек. Я уже его предупредила на этот счет, но он, как обычно, сделал вид «мне дела нет до твоих глупостей, женщина, я буду поступать так, как сочту нужным». К счастью, вопрос «Кому при разводе достанется Джаджи?» не стоял: Джаджи – *мой* пес, завела я его против воли Саймона, хоть впоследствии Саймон и полюбил его так же сильно, как и я. Но я бы скорее пожертвовала Питером или Джейн, но за опеку над Джаджи я бы дралась до последней капли крови...

Питер и Джейн не разделяют моего восторга по поводу Грандиозного Переезда За Город. Хоть мы не так уж и сильно удаляемся от городской черты и все еще (едва-едва) остаемся в районе их школы, так что их психика не будет травмирована еще и сменой школы, вдобавок к тому, что они теперь из Неполной Семьи (так еще говорят? Неполная семья? Помню, как Трейси Барлоу из сериала «Улица коронации» ругалась со своей матерью Дэдри, когда та в очередной раз

разводилась со своим мужем Кеном, что ей надоело жить в неполной семье, но там к воскресному эпизоду сериала все опять мирились, Дэдри снова сходилась с Кеном и все продолжалось вновь).

В остальном дети пребывали в некотором шоке от того, что им предстоит жить где-то в глуши, куда вечером не ходит общественный транспорт, и им будет трудно возвращаться домой после вечеринок и подростковых вписок. Подозреваю, что в свои пятнадцать лет Джейн уже втихаря накачивает Бакарди Бризерс или какое там еще подслащенное пойло употребляет сегодняшняя молодежь. Питеру только тринадцать, и я очень надеюсь, что у меня есть в запасе годик-два до того, как и он свернет на скользкую тропу морального разложения. Однако я все же питаю надежду, что вдруг они каким-то чудом скажут алкоголю «нет», ибо их мать в отношении к зеленому змию скорее послужит Зловещим Предупреждением, нежели Примером Для Подражания. Я пыталась усыпить их бдительность многочисленными заверениями, что буду по первой просьбе забирать их домой на машине, и радостно напоминала, что каждые вторые выходные они будут проводить в городе у отца, и потому: а) это уже его проблема и б) им будет легко и просто добираться к нему домой после вечеринок в сомнительных пабах, где наливают несовершеннолетним подросткам. Саймон присутствовал при этом моем заявлении и по одному его виду можно было с уверенностью сказать, что такая перспектива его

не вдохновляла.

Тем временем он нашел свою квартиру мечты, минималистичную белую коробку, о которой грезил столько лет. Он пускал слюни каждый раз, когда видел в телепередаче «Истории дизайна» современные просторные кубические дома, а потом окидывал печальным взором нашу захламленную гостиную и издавал вздох отчаяния. Выбор его квартиры также был небесспорным, поскольку я настаивала, что он не может покупать себе лофт с открытой планировкой, потому что ЕГО ДЕТЯМ понадобится отдельное место для сна, когда они будут у него ночевать, – факт, едва ли доходивший до его сознания. В конце концов он с неохотой согласился на компромиссный вариант с одной большой спальней, одной маленькой комнатой, которую он намеревался перестроить под кабинет с местом для футона, на котором будет спать Джейн (а я и не знала, что футоны все еще в ходу, – я-то думала, что они сдулись еще в 90-е, как и мои когда-то стоящие торчком сиськи, да и вся моя молодость тоже), а еще, по оптимистической формулировке Саймона, «встроенным пеналом» для Питера, который Питер и я называли просто «шкафом». Кроме того, что его единственный сын и наследник будет почивать в шкафу два раза в месяц, в остальном, судя по фоткам, эта квартирка выглядела раздражающе милой, зато сервант там будет как седло на корове, так тебе и надо, Саймон!

Ну что же, пора вставать и выпить в тиши чашку чая,

прежде чем начнется долгий и мучительный процесс по выманиванию двух подростков из их берлог. Отчасти я понимала, что было бы проще для всех не трогать их вообще, тогда грузчики могли бы спокойно загрузить их спящими в кроватях в грузовик, перевезти на новый адрес, разгрузить их там, и они бы просто проснулись на новом месте. Интересно, сколько времени они бы соображали, что находятся в другом доме? Справедливости ради надо сказать, что Питер заметил бы это только тогда, когда на автопилоте дошел бы до холодильника, готовый проглотить все его содержимое, и не обнаружил бы холодильник на привычном месте, и в эти самые важные для его выживания тридцать секунд отсрочки, отделяющие его от поглощения еды, его бы озарило.

Странное чувство, когда понимаешь, что просыпаешься в своем доме в последний раз. Таких «последних разов» было много за последние несколько дней. Некоторые разы были довольно печальными, как например, пожелание спокойной ночи детям в комнатах, где они выросли. На Питера и Джейн мои слезливые попытки подоткнуть одеяло перед сном не произвели впечатления, наоборот, им показалось это странным и они отослали меня прочь. Другие последние разы были менее печальными. Последний раз я поправила ковер, чтобы закрыть пятно на полу, которое осталось от едкого желудочного сока Джаджи, когда его вырвало в гостиную. Последний раз я стукнулась бедром об угол дурацкого кухонного шкафа. Последний раз я протираю столешницу с большим

куском отодранной пленки, потому что туда воткнулся нож, брошенный Джейн в Питера за то, что он совершил нечто ужасающее, как-то не так на нее посмотрел или вроде того.

Но не время сейчас перебирать последние разы. Пришло время для вещей, происходящих впервые, для новых начинаний и свежих стартов! Надеюсь, Джаджи не сойдет с ума от резкой смены обстановки и приживется на новом месте.

Суббота, 7 апреля

Итак. Мы на месте. И я медленно, но верно привыкаю к хаосу и постепенно разгребаю горы, целые горы коробок!

Все, что произошло вчера, было... интересно. Как я и предполагала, Питера и Джейн было невозможно сдвинуть с кроватей. Когда они наконец встали, то принялись бесцельно бродить по дому, путаясь у всех под ногами, Питер даже попытался расчехлить что-то из еды, поскольку после завтрака опять проголодался, а Джейн стенала, что я разрушила ее жизнь, отсоединив вайфай в старом доме, и как это ПОНИМАТЬ, что в новом доме интернета не будет до понедельника, и почему это я не узнала, ловится ли в новом доме сигнал 4G, и ПОЧЕМУ Я ТАК С НЕЙ ПОСТУПАЮ. Тем временем Питер выдул все молоко, и я даже не смогла предложить грузчикам чашку нормального чая, поэтому мне пришлось отправить его в магазин за молоком, на что он заканючил, что ведь мы *переезжаем*, и это значит, что «нужно *избавляться* от лишних вещей, мам, а не *приобретать* еще», на что я прорычала, что если он сейчас же не оседлет свой велик и не метнется в магазин за молоком, то все его пожитки, включая игровые приставки, в аккуратном запакованном виде я сдам прямиком на благотворительность, и если он хотя бы еще один раз посмеет мне что-то вякнуть в ответ, то отправится по тому же адресу, хотя кому он там

нахрен сдался. Все это время грузчики наблюдали за нашим препирательством без особых эмоций, пока, наконец, Питер не направился к двери, вздыхая и бормоча что-то типа «это у нее возрастное, переходный этап в жизни, не обращайтесь на нее внимания», на что грузчики понимающе заухмылялись. Говнюки солидарные.

Ну наконец-то, наконец-то все перенесено в грузовик, несмотря на мои полезные советы, в какой очередности что грузить, и рекомендации, куда и как поставить диван, чтобы влезло больше коробок. Под конец бригадир не выдержал и сказал: «Послушайте, дамочка, мы свою работу знаем. Каждый день кого-нибудь перевозим», – и я прикусила язык, внутренне чертыхаясь оттого, что он назвал меня дамочкой, я терпеть не могу такого фамильярного обращения со стороны незнакомцев (хотя признаю, что у него опыта погрузки вещей в грузовик будет больше, чем у меня), и не осмелилась ничего ответить, потому что велика была опасность, что они могут передумать перевозить такую недотрогу-феминистку и оставят меня посреди дороги со всем моим нажитым добром в огромных коробах и с двумя хмурыми подростками.

Итак, мы тронулись в путь. Я всю дорогу чирикала: «Разве не здорово, ребятки? Мы отправляемся в новое захватывающее приключение! Как же мы счастливо заживем в нашем новом доме, поверьте мне, уж я-то знаю!» – а дети корячились на заднем сиденье и скулили, что с ними поступили **НЕСПРАВЕДЛИВО** и не дали никому из них возможности

сесть на переднее сиденье, потому что Джаджи их опередил (это его любимое место в машине – он обожает сидеть там и глядеть в окно на кошек), на что я отрезала, что они до этого ни разу мирно не могли решить, чья очередь там сидеть, и каждый раз развязывали Третью мировую войну из-за этого чертового сиденья, а потому не соизволят ли они уже ЗАТКНУТЬСЯ И МОЛЧА РАДОВАТЬСЯ, а не портить всем НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ, где все мы будем ОФИГЕННО СЧАСТЛИВЫ.

Когда мы свернули в последний раз с нашей улицы (ну, на самом деле вряд ли это был последний раз, потому что моя подруга Кэти оставалась жить на той же самой улице, и весьма вероятно, что я буду ее навещать, тем не менее чисто символически это считалось последним разом), на нее заворачивали новые жильцы, купившие наш дом. Я слегка поддала газу, чтобы они меня не увидели и не попытались остановить, чтобы предъявить претензии по поводу Смрада в комнате Питера. Уж как я ни чистила и ни скоблила дом, ни отмывала его на совесть (сказать по правде, сейчас он был вылизанным как никогда за все время, что мы там жили), уж сколько я ни отмывала шампунем ковровин, ни распыскивала освежитель воздуха, ни жгла ароматических свечей – ничто в мире не могло вывести этот стойкий затхлый запах перебродивших Подростковых Феромонов в комнате Питера.

Когда потенциальные покупатели приходили осматривать

дом, я открывала настежь окна, выпрыскивала весь баллончик освежителя воздуха в его комнату, чтобы хоть на время осмотра замаскировать эту вонь, но спустя полчаса она опять возвращалась и сгущалась в зловоние, отдававшее всеми вариациями грязных носков, потных маек, засохшей спермы и еще чего-то неуловимого, что можно описать только словом «Подросток», который к тому же без меры поливает себя ядреным дезодорантом Lynx. Видимо, в этом возрасте у мальчиков так должно быть, они обязаны источать миазмы, и не важно, как часто и подолгу они моются, насколько регулярно меняют постельное белье и полотенца, сколько дезодоранта выливают на каждую подмышку («Дорогой, ну правда, ну хватит уже, достаточно пшикнуть один раз туда и сюда, не нужно распылять тонны этих химикатов себе на подмышки и в радиусе метра от себя, нам уже дышать нечем из-за этого аромата разбитых подростковых грез и сексуальных фантазий») и насколько часто вы тайком заглядываете под его кровать в поисках возможного источника зловония в виде забытого затвердевшего задроченного носка. К счастью, такого ужаса я там не находила, полагаю, в том числе потому, что всегда оставляла у него в комнате упаковку бумажных салфеток для мужчин – хоть и была шокирована, когда узнала почему это Kleenex выпускает бумажные платочки мужского размера (я-то думала, наивная, что Kleenex считает мужчин сопливее, чем женщин).

Помню, как (давно, **ОЧЕНЬ** давно) в студенческом об-

щежитии нашего университета можно было безошибочно сказать, что вы покинули женское крыло (приятно пахнущее муссом для волос Wella, ароматами духов Impulse и Exclamation) и вошли в мужское. Там стоял Этот Запах. Когда мы закончили учебу, университет затеял ремонт в общежитии (запланированный ремонт, а не потому что мы загадили помещение – мы не совсем загадили), то есть ремонт был капитальный. Однажды после ремонта я зашла кое-кого навестить и меня поразила свежесть краски на стенах, белизна потолков, современная перепланировка со смешанным проживанием без старомодного зонирования на женскую и мужскую территории, и тем не менее в бывшем мальчишеском коридоре в воздухе ВСЕ ЕЩЕ витал Тот Запах. Скорее всего, новым владельцам дома придется с этим смириться. Очень надеюсь, что у них тоже есть мальчишка-подросток, который впишется в ту комнату, и его родители просто примут тот Смерд за запах своего чада, а не за оставшийся в наследство шлейф от предыдущего жильца...

Как бы то ни было, встречи с новыми жильцами удалось благополучно избежать, и вот мы мчимся вперед, к новой жизни, под «I will survive» на полную громкость (а как иначе, «по-любасу», хоть Джейн неоднократно и просила меня не говорить «по-любасу», а еще не использовать «ЗБС», даже в шутку, чтобы не «отставать от молодежи»). Солнце светило ярко, птички чирикали громко – Все Как По Заказу.

Однако не проехали мы и километра, как солнце выключо-

чилось, птички заткнулись, небо затянулось тучами и полил дождь как из ведра. Только этого, конечно же, нам и не хватало.

Грузчики недвусмысленно давали понять, что разгружать вещи под проливным дождем им не улыбалось, они мрачно затаскивали коробки в дом, бубнили себе под нос ругательства, как будто это я вызвала дождь, как какая-нибудь спятившая ведьма, как будто мне самой хотелось, чтобы все мои вещи промокли до ниточки. Усложнило ситуацию и то, что в порыве возбуждения от перспективы переехать в уютный милый домик в деревне я совершенно упустила такую деталь, как соразмерность габаритов моей мебели и дверных проемов в домике, так что было немало пыхтения и возни, когда бедняги-грузчики пытались втащить мою широчайшую королевскую двуспальную кровать по совсем не королевской лестнице на второй этаж, а уж впихнуть невпихуемый диван в дверь гостиной было и вовсе безобразным зрелищем. В какой-то момент бригадир заявил, что придется распилить диван на части, на что я отчеканила с металлом в голосе, что не далее как сегодня утром он заверял меня, какие они ЭКСПЕРТЫ в переездах, а потому не соблаговолит ли он собрать весь свой профессионализм в кучу, пошевелить мозгами и решить, как занести мебель в дом без распила мебели или дверей (в конце концов, мужик он или нет, где его природная смекалка и ГОДЫ тренировок по запикиванию разных предметов в разные места?). Диван миллиметр за миллиметром

вручную втянули в гостиную, при этом глухой ропот грузчиков перерос в откровенный мат.

К несчастью, теперь, когда мебель предыдущих владельцев дома, так стратегически точно расставленная, была вынесена, а солнце не светило в окна, как это было во время осмотра дома, до меня стало доходить, что все те странности, которые я тогда приняла за деревенские причуды, скорее всего, были призваны замаскировать проблемные места, а то и просто беды этого дома. Он оказался намного темнее и сырее, чем я думала, а на потолке обнажились подозрительные разводы, которых я раньше не видела, что как бы намекало на то, что состояние крыши было далеко от идеального и надо было внимательно читать сопроводительные документы на дом, чего я, в своем слепом стремлении побыстрее переехать, вовремя не сделала.

Саймон предлагал поехать вместе осматривать дома, я же с апломбом отмела его предложение как совершенно лишнее, ибо я сама могла прекрасно справиться с поиском подходящего жилья, а он, уже в статусе *бывшего* мужа, для этого был совершенно *не нужен*. Саймон мягко и вполне резонно возразил, что как профессиональный архитектор просто хотел помочь полезным советом, не более того. Я же вновь отклонила его помощь на том основании, что этот развод стоит мне столько сил и нервов, что я не позволю ему портить мне кровь еще и при выборе моего Дома Мечты. Пусть даже этот дом едва смахивает на мою мечту. Сейчас, стоя посреди

дома, даже близко не похожего на Дом Мечты, я подумала, что, вероятно, поспешила и зря отказалась от его помощи.

Ну и что, подумала я. Все будет ХОРОШО! Надо просто мыслить позитивно, как я сама советовала Джейн, когда та скулила в ужасе от того, что у нее больше не будет встроенных шкафов, куда она могла зарядить все свои одежные баулы из New Look'a, ведь теперь ей придется довольствоваться нишей в стене с прибитой балкой для вешалок, которую я планировала завесить миленькой занавеской в цветочек.

– КАК я развешу всю одежду в этом углу? – визжала она. – Мать, так только в *Советском Союзе* жили, за занавеской, это же как за чертой бедности оказаться! Это насилие над человеком! Я буду жаловаться на тебя!

– Кому? Не думаю, что встроенные гардеробные и бесперебойный доступ в снэпчат значатся в правах ребенка ООН. Скорее там речь идет о праве на чистую питьевую воду и освобождение от работ в угольном забое. Да и зачем тебе гардероб, если ты ни разу в жизни ничего туда не вешала? У тебя же все стелется по полу, и я как-то не заметила разницы, что тогда, что сейчас.

– А чистая питьевая вода у нас хоть *будет*? – стенала Джейн. – Или ты сейчас нам объявишь, что воду надо будет из колодца таскать? Или того хуже, на реку за водой ходить? А может, нам повезло, и у нас стоит *насос* во дворе, и мы ведрами воду будем носить, чтобы раз в неделю, предварительно нагрев воду на огне, помыться в тазу и соскрести со

своих мозолистых рук деревенский навоз? При свете керосиновой лампы? – скорбно причитала она.

– Ой, Джейн, не драматизируй, – сказала я как можно веселее. – У нас замечательная ванная комната, с *настоящей* ванной на ножках в виде львиных лап. И горячая вода там есть, и свет, все как надо. Ты, как всегда, все передергиваешь.

– Кто бы говорил, что я передергиваю! – завопила Джейн. – Я не передергиваю. Это ты вынудила папу оставить нас, потому что ты все время его доставала своими нападками, это ты разрушила нашу семью и заставила нас переехать в какую-то лачугу без канализации, все из-за тебя, и ты мне говоришь, что я передергиваю? Может, это ТЫ передергиваешь и тащишь нас в деревню без какой-либо веской причины, вместо того чтобы просто чуточку лучше относиться к папе и НЕ БЫТЬ ТАКОЙ ВЕДЬМОЙ!

Я ответила, что канализация там ЕСТЬ, и уже собиралась сказать, что мы с Саймоном разводимся не только потому, что я им недовольна, и между нами случилось много чего, и детям этого не понять, как вдруг Питер, который поднимался вверх по лестнице, вдруг распластался на ней и заявил, что ПОМИРАЕТ С ГОЛОДУ.

– Ничего ты не помираешь, – сказала я на автомате. – Просто слегка проголодался.

– Я не могу найти ничего съестного, – мрачно сказал Питер. – Мам, ЕДЫ НЕТ вообще, типа совсем.

– А ты хорошо посмотрел? – спросила я. – Потому что на кухне одни только коробки с едой.

– А где тут кухня? – без особого энтузиазма спросил Питер. – Тут в каждой комнате одни коробки, откуда мне знать, какие коробки на кухне, если я не знаю, где кухня?

– А тебе не кажется, что кухня – это там, где раковина? – предположила я. – И холодильник? Эти приметы кухни никак тебя не надоумили?

Питер уставился на меня недоуменно.

– Ох, а я и не подумал, – ответил он.

Он побрел вниз в поисках провизии, но тут из ванной комнаты выскочила рассвирепевшая Джейн.

– А в другой ванной есть душ? – возмущенно спросила она.

– В какой другой ванной? – спросила я.

– Ну, здесь же должна быть вторая ванная, – продолжала она свои претензии.

– Нет, дорогуша, боюсь, что ванная здесь одна. В этом вся фишка оптимизации пространства. Ты переехала в домик поменьше. Само название говорит за себя, улавливаешь?

– Но ведь должна же быть вторая ванная комната. Как продолжение спальни. Не может же быть только одна ванная комната?

– Может, – заявила я.

Ее лицо исказилось.

– Но там нет душа, – заныла она. – Как я буду мыть голову?

– Ну, как-как, в ванне. Как веками все мылись, до того как американцы изобрели душ.

По правде говоря, я не уверена на все сто, что это американцы изобрели душ, но как-то это звучало в тему, потому что большинство других современных удобств – дело их рук. К счастью, Джейн была так расстроена, что ей не пришло в голову ставить под сомнение мое утверждение насчет американцев и душа, что уже было приятной новостью, поскольку ничего из того, что я говорила, никогда не принималось ею за факт.

– Я так не могу, – захныкала она. – Это невыносимо. Мне не три годика, когда хватало кружки воды, чтобы помыть голову. Это жестоко, мама. Ты уверена, что у тебя там в твоей спальне нет потайной ванной комнаты?

– Зачем я буду прятать от тебя ванную комнату? – удивленно спросила я (хотя, если честно, я бы и сама хотела, чтобы как по волшебству в этом маленьком коттедже, который можно в лучшем случае описать как «компактный и миниатюрный», откуда ни возьмись материализовались бы дополнительные комнаты, как в той детской книжке про детей с железной дороги, когда они поутру проснулись в новом доме, намного скромнее, чем их собственный, откуда они переехали накануне, и тем не менее обнаружили кучу новых комнат, а в одной из них был даже накрыт стол с угощением).

– Я не понимаю. Я перестала понимать тебя, мать моя, почему ты это все делаешь. Ты бросила папу, заставила нас пе-

реехать в эту глушь, и все, что я слышу от тебя, так это бесконечные умиления и восторги, как мы будем разводить кудахчущих кур. Я совсем не удивлюсь, если ты от меня скрываешь ванную комнату в своей спальне, с тебя станется, – с горечью заявила Джейн.

– Вот сейчас было обидно, – ответила я. – И я никого не бросала.

Я едва сдержалась, чтобы не выпалить: «Это ваш отец съехал от вас, если помнишь, а не я. Это *ему* потребовалось “отдельное место, чтобы подумать”, а не мне. Я же *всегда* с вами рядом». Но вовремя спохватилась, потому что эти самые слова звучали в моей голове голосом моей матери, когда она каждый раз напоминала, что это *она* жертва в отношениях с моим отцом, и я должна была всегда принимать *ее* сторону. Я не хотела, чтобы моя дочь видела меня жертвой, и как бы мне ни было мучительно больно, я никогда не скажу ничего, что заставило бы ее выбирать между Саймоном и мной. Я ничего не рассказывала детям о мисс Мадрид, чтобы им не приходилось выбирать, с кем они. От этой острой обиды у меня слезы навернулись на глазах, ведь как я ни старалась быть благородной и не влиять на детей, все было напрасно, и Джейн все больше злилась на меня, ненавидела и обвиняла во всем. К счастью, она выскочила из комнаты и помчалась искать, к чему еще придраться, не увидев моих предательских слез. Я утерла слезы и, всхлипнув, приказала себе: «Соберись, Сильная Независимая Женщина», как тут снизу

раздался голодный рев Питера: «М^АААМ, здесь Д^ВЕ комнаты с раковинами, которая из них кухня?»»

Я поковыляла вниз, чтобы там, на месте, вкратце, как можно более простыми словами донести до сына мысль, что КУХНЯ – это большая комната с холодильником, шкафами и столом посередине, а маленькая, тесная и с одной раковиной – это БУФЕТНАЯ. Но за этим незамысловатым объяснением последовал экскурс в историю слова буфетная, в ходе которого Питер пришел к заключению, что «раз уж в старину это помещение предназначалось для складирования посуды и прочей утвари, то почему не называть эту комнатку КЛАДОВКА?», на что я пыталась возразить: «Ну, дорогой ты мой, это же старинный особняк, со своими причудами и прелестями, со своими особенностями, и потому у него буфетная, а не кладовка. Это же намного душевнее, понимаешь», – но Питер слушал в полнейшем непонимании и поглощал найденные чипсы, пригоршнями запихивая их себе в рот.

– Ладно, мам, – сказал он миролюбиво, – будем называть это буфетной, если тебе так больше нравится.

Такая легкая победа в буфетном баттле так меня озадачила, что он успел прикончить пачку Doritos до того, как я ее отобрала, а также немного задела, потому что мне показалось, что Питеру меня жалко (в старом доме все, кроме меня, называли буфет «большим шкафом» – несмотря на мои постоянные призывы называть его «буфетом», потому что мы

же не рабочий класс, чтобы держать посуду просто в «большом шкафу»).

Под хруст чипсов, которые Питер самозабвенно перемалывал во рту, по лестнице чеканным шагом спустилась Джейн и заявила, что она намеревалась хотя бы принять ванну и где же взять полотенца в этом бедламе? Я предложила ей поучаствовать хоть немного в распаковке вещей, прежде чем намыливаться принимать ванну, она же холодно отрезала, что это не вариант, и без того жизнь ее уже разрушена. Я ей посоветовала проявить чуточку, самую малость, хоть КАПЕЛЮШЕЧКУ сознательности и принять как факт, что она переехала в новый дом, и тогда недостаток ванн, отсутствие душа и полотенец уже не будет так ее шокировать, на что мне ответом было закатывание глаз и презрительное фырканье. Ну что ж, мне еще повезло, что не удостоилась фразы типа «Мать, иди нах!»

Я все еще пытаюсь вспомнить, когда именно началась эта «мать». Когда Джейн только начала говорить, она звала меня «мами», что было очень мило, потом, когда ей было три с половиной годика, какой-то ребенок постарше в садике стал дразнить ее за «мами», и она стала звать меня «мама», как все дети вокруг. Потом это как-то незаметно сократилось до просто «мам», я и не помню, когда она перестала звать меня «мама», да и это было неважно, я не обращала внимания, просто «мам» было тоже норм, к тому же только в чрезвычайно пафосных семьях, где в качестве домашних живот-

ных держат пони по имени Тарквиний (да и отпрысков своих могут назвать также), обращение «мама» остается все еще в ходу и после достижения двенадцатилетнего возраста. Но я была не готова к тому дню, когда перестану быть просто «мамой» и стану «матерью», – обращение, используемое в мой адрес для излияния сарказма, отвращения, снисхождения или сочетания всего сразу. Стыдно, но я сама смутно припоминаю то время, когда обращалась к своей дорогой маме только «мать», в приблизительно таком же уничижительном тоне, а потому остается надеяться, что это лишь очередная «фаза» взросления и это пройдет. Хотя я уже устала мириться со всеми этими чертовыми «фазами» и ждать, когда же эти «фазы» уже закончатся нафиг и дети мои станут наконец культурными и ответственными членами общества.

Такое ощущение, что я слышу эту заезженную фразу про «такую фазу» последние лет пятнадцать. Ребенок не спит ночью – это фаза такая, это пройдет. Не признает горшок и ходит под себя – это такая фаза, это пройдет. Истерит на пару с маленьким братом – это пройдет. Перебирает еду на тарелке, огрызается, не слушается. В три года отказывается спать днем, а в тринадцать дрыхнет до обеда, и чтобы поднять его с кровати, нужно как минимум вставить в задницу гранату и выдернуть чеку, бесконечно слушает одну и ту же песню из «Холодного сердца», танцует дэббинг, неделями ходит по дому в трусах, потому что надеть штаны равносильно пыткам и насилию над детьми. Это все просто фазы такие. И ко-

гда только эти фазы закончатся? КОГДА? Я была поражена, что, когда все кому не лень лезли со своими непрошенными советами в мой развод («Да брось ты этого козла», «Надо сохранить семью ради детей», «Постарайся понять-простить», «Отбери у него все до последнего фунта», «Ну мужчины по-другому устроены», «Отрежь ты ему яйца»), никто из них мне не сказал, что трахаться с незнакомками в Мадриде – это, вероятно, просто «фаза такая», просто мне нужно подождать, когда у Саймона это пройдет.

– МАТЬ! – крик Джейн резко вернул меня с небес на грешную землю. – Ты мне полотенце найдешь или нет?

– Джейн, – начала я как можно спокойнее, – если тебе так уж приспичило мыться, то ищи полотенце сама. У меня других дел полно.

Питер с набитым чипсами ртом пытался промычать что-то и обдал Джейн фейерверком рыжих крошек изо рта.

– ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! ОН ДЕБИЛ! МАТЬ, СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ СО СВОИМ СЫНОМ! – завизжала Джейн. – Пусть он проваливает, я не знаю, в сарай или куда-нибудь подальше.

Питер впопыхах все заглотал и прежде чем набить рот еще чем-то, заорал ей в ответ: «САМА иди в сарай! Курицы тебя там заждались! Бу-га-га!»

Джейн что-то кричала в ответ, Питер продолжал огрызаться, не забывая при этом набивать рот ароматизированной снедью с усилителями вкуса, я вышла из кухни в полней-

шем отчаянии. Решила, что распакую свои книжки. Успокою нервы этим простым незатейливым способом. К тому же, как только книги встанут на полки, они закроют довольно большое и крайне подозрительное пятно на обоях в цветочек, которые выглядели так очаровательно выцветшими и винтажными несколько месяцев назад, а теперь смотрелись убого, как те комнаты перед ремонтом в «Квартирном вопросе». Может быть, размышляла я, расставляя книги, мне стоит отодрать эти обои и поэкспериментировать с планками и рейками, чтобы получилось что-то типа деревянных панелей в духе «Ремонта своими руками»?.. Потом мне в руки попались «Наездники», и я стала листать эту книжку, чтобы подбодрить себя, потому что героини Джилли Купер справлялись и с более отчаянными ситуациями, чем гуляющие мужья и бесноватые тинейджеры, и для них не существовало ничего такого, чего нельзя было исправить стаканом водки с тоником и изящной остротой. Как раз на той странице, что я открыла, Джейк впервые *оседлал* Тори на конюшне, и я поймала себя на мысли, насколько толстой я буду выглядеть без одежды – наверно, очень толстой, и где-то на задворках сознания у меня зашевелился ужас от того, что если мне в будущем и посчастливится заняться сексом с кем-нибудь, то ведь мне придется раздеваться перед совершенно незнакомым человеком, и по сравнению с этим будущее без секса показалось более привлекательным, нежели с ним – в этот самый момент в комнату ворвалась мокрая и взъерошенная

Джейн, шипя и фыркая, как ошпаренная кошка. Вскоре выяснилось, что все было абсолютно наоборот – с другого конца температурной шкалы, – то есть она не ошпарилась, а обморозилась, когда набрала себе полную ванну воды, плюхнулась туда, чтобы выскочить из нее как из проруби, потому что вода была ледяная, а не горячая.

– Ох, полагаю, что они просто отключили горячую воду на время, чтобы трубы не замерзли или еще что-нибудь, – пространно сказала я.

– На календаре АПРЕЛЬ месяц, мать, – обрубил Джейн. – Трубы не замерзают в апреле! Да и к тому же они съехали только вчера, как ты сказала. Зачем им отключать горячую воду за сутки до нашего приезда?

Я понятия не имела, но не собиралась признавать это перед Джейн. Вместо этого пошла заглянуть в котельную, хотя сама не понимала, что там делать, туда же потянулся Питер, говоря, что хочет посмотреть, может, он чем-нибудь поможет, если я разрешу ему взглянуть на бойлер. Уж и не знаю, хотел ли он на самом деле помочь, или это у него от отца, который всегда считал, что может сам все починить и отказывался вызывать мастеров, пока все сам окончательно не доломает.

– На ужин что? – требовательно спросила Джейн, пока я крутила все краны и нажимала на все кнопки, включая и выключая бойлер.

– Господи, откуда мне знать, я тут пытаюсь бойлер почи-

нить, – накинулась я на нее.

– Я просто спросила. Что, нас уже здесь и кормить не будут?

– Джейн, тебе пятнадцать лет, ты вполне можешь сама приготовить себе что-нибудь. Ты видишь, что я сейчас *занята*, я пытаюсь починить этот чертов бойлер.

– Можно я поеду к папе? Меня здесь все бесит, я хочу, чтобы ты отвезла меня к папе.

– Я не повезу тебя сейчас к отцу, потому что я занята бойлером, и если тебе приспичило ехать к нему прямо сейчас, то звони ему сама и пусть он приезжает за тобой сам.

– Он не отвечает на звонки. Тебе придется меня отвезти.

– Ничего мне *не придется*, я бойлер чиню.

– Ты НИКОГДА НИЧЕГО не делаешь ради меня. Если бы Питер попросил тебя отвезти его к папе, уж *его* бы ты сразу повезла.

– Я никого никуда не собираюсь везти. Это наш первый день в нашем новом доме, и было бы замечательно, если бы мы провели его здесь *все вместе*. А теперь, *будь добра*, дай мне сосредоточиться и починить этот бойлер. ОТОЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА!

– Мам, а когда здесь вайфай подключат? Ты не можешь позвонить и узнать? – влез тут Питер.

– Я ПЫТАЮСЬ ЧИНИТЬ БОЙЛЕР!

– Тогда *когда* ты сможешь им позвонить?

Тут я с размаху захлопнула дверь буфетной и в изнемо-

жении уткнулась головой в стенку бойлера. Вот я тут стою одна, пытаюсь тащить груз за двоих. Если бы Саймон был здесь, тогда он бы, по крайней мере, чертыхался над этим бойлером, а я бы хлопотала с детьми, удовлетворяла их бесконечные потребности в еде, передвижении, интернете. Когда в глазах зашипало от набегающих слез, я напредила себе, что Саймона тут *нет*, и я должна сама одолеть этот дурацкий бойлер. Я же вполне *могу* с этим справиться. Я взяла в руки отвертку и попыталась приладить ее к какому-нибудь месту на бойлере. Щипцы я не стала брать, потому как, по моему представлению, бойлеры относились к водопроводной системе и отвертка относилась туда же, и потому они должны были как-то срастись. Я была вполне удовлетворена своей логикой, но бойлер был к ней глух и не собирился реагировать. Наконец у меня возникла еще одна мысль – прежде чем звонить в аварийку и тратить на водопроводчика годовой бюджет Люксембурга, я пошла проверить баллон с керосином (газовое отопление до этой деревни еще не дошло), и при свете фонарика в телефоне я нашла на баллоне вентиль, который стоял в положении весьма похожем на «Выкл».

«Кто не рискует, тот не принимает ванну», – пробормотала я и, ударившись голенью о внезапно выступивший угол стены, развернула вентиль в другую сторону. Либо бойлер воспламенится к новой жизни, либо я спалю этот дом до основания. Я вернулась назад к бойлеру, по пути стукнув мизинец ноги о брошенный горшок с растением, доковыляла и

увидела, что бойлер как был без признаков жизни, так и оставался. Я снова стала крутить все рычаги и нажимать все подряд кнопки, и вдруг, о чудо, после того как я нажала кнопку RESET, бойлер проснулся. У МЕНЯ ПОЛУЧИЛОСЬ! Я ПОЧИНИЛА ЭТОТ ХРЕНОВ БОЙЛЕР!

– МААААМ! – заорал Питер.

– МААААТЬ! – завопила Джейн.

Я распахнула дверь буфетной с видом триумфатора.

– Я ПОЧИНИЛА ЭТОТ БОЙЛЕР! – объявила я во всеуслышание, ожидая звуки фанфар и салют в двенадцать залпов. – Я была права, Джейн. Они просто его *выключили*. Снаружи дома!

Джейн хмыкнула: «Папа бы давным-давно уже догадался».

– Мужчина для этого не понадобился. Я починила все сама.

– Подумаешь. Можно мне поехать к Милли?

– НЕТ! Мы проведем этот вечер все вместе, у камина, я разведу огонь, и мы устроим пикничок перед камином.

– Разве не здорово? – говорила я позже, сидя с Джаджи у дымящего камина.

Джейн только фыркала, сидя у окна, где она отловила заблудший 4G.

– Вообще-то здорово, мам, – осторожно начал Питер, – но с вайфаем было бы еще лучше. Может, ты им позвонишь утром и спросишь, когда они подключат широкополосный

интернет?

Огонь потух.

Джаджи зафырчал почти так же, как Джейн, и что-то подозрительно заскреблось под досками.

– Будет весело, – сказала я твердо. В конце концов, как говорят, если верить в свои силы, то все обязательно получится.

Суббота, 14 апреля

Мои первые выходные без детей. Справедливости ради надо сказать, что Саймон *предлагал* забрать детей на прошлых выходных, чтобы они не мешались под ногами, пока я разбираю вещи, но я полагала тогда, наивная, что дети уже достаточно большие и взрослые и будут помогать мне со всем хозяйством. Какая же я неизлечимая оптимистка...

Прошлая неделя слилась в одно сплошное мутное пятно, где я пыталась отыскать в этих бесконечных коробках хоть что-нибудь из одежды для офиса, на работе же время проходило за тем, что я наводила порядок у себя на столе, раскладывала все по полочкам и в целом наслаждалась порядком и чистотой рабочего пространства, зато вечером, вернувшись домой – в этот хаос, где дети целый день занимались чем угодно, только не делом (валялись, слонялись, ели-пили по всему дому, ведь это основное времяпровождение подростков после школы), – спотыкалась на каждом шагу и ругала их за беспорядок, который они, казалось, просто сеяли вокруг себя, собирала по всему дому оставленные ими тарелки и чашки, загружала грязную посуду в посудомойку, раздражалась руганью по поводу молока, которое опять кончилось, потому что кто-то его выпил без остатка, потом погружалась в пучину этих нераспакованных коробок, поражалась их нескончаемости и недоумевала, откуда у меня

столько скарба, желая только одного – лечь спать, потому что окончательно выбилась из сил.

Когда мы с Саймоном впервые съехались жить вместе, ВСЕ НАШИ С НИМ пожитки на двоих уместились на заднем сиденье его подержанного ржавого «Форда-Фиесты», да еще там место оставалось. Спустя двадцать лет совместной жизни нам уже было мало двух огромных грузовиков, чтобы развезти поделенное имущество, не считая того, сколько барахла мы выбросили, сколько бесчисленных сумок с вещами отдали в благотворительные лавки, так еще сами несколько раз отвозили кое-что на свалку. Оставшееся добро я паковала в спешке, швыряя в коробки все подряд и обещая себе, что разберу все тщательно уже на новом месте (от таких небрежных сборов даже у грузчиков поднялись от удивления брови, ведь им пришлось носить коробки, на которых были надписи «дерьмо из кухни», «общее дерьмо», а одну из последних коробок я просто подписала как «вообще непонятная хрень»), а это было труднее, чем я думала, потому что как можно взять и выбросить первый конверт, в который пеленали Джейн, – такой крошечный, поблекший и местами пожелтевший, у меня рука не поднялась от него избавиться.

А когда я вытащила на свет коробку с фотографиями, у меня даже комок в горле встал, я в родильном доме, держу на руках Джейн, она в том самом конверте, рядом стоит Саймон, весь светится от гордости. Это же самые последние настоящие фотографии, которые мы печатали, пока не ку-

пили цифровую камеру. Под коробкой с фотографиями лежали медицинские карты детей со всеми справками о прививках. Нужны ли эти справки? А вдруг в какой-то момент потребуется доказать, что они были привиты? Будет ли такой момент? Я отложила карты в ту кучу, куда складывала вещи, «которые могут пригодиться», и тут откопала первые пинетки Питера. Такие крохотулечки! Я помнила тот день, когда мы их купили. С того дня должна остаться фотография – я опять полезла в коробку с фотографиями, ну вот же он, полароидный снимок, сделанный в фирменном магазине Clarks, на нем Питер такой маленький, такой сердитый, такой насупившийся, вцепился в свое одеяльце, он-то не осознавал важность момента. А где это одеяльце сейчас может быть? Мы потом пошли с ним в парк, где он впервые сам своими ножками проковылял через всю игровую площадку, я же всю дорогу кудохтала над ним, как курица над цыпленком, чтобы поймать его вовремя, если он не дай бог упадет. Пинетки отправляются в кучу «еще пригодится». А это что такое? Шкатулка с выпавшими детскими зубами. Ну, это я, конечно же, выбрасывать не буду, хоть они там все перемешались и уже не разберешь, где чьи зубы.

На этом трогательном моменте в комнату зашла Джейн. Она взглянула на шкатулку, которую я с такой нежностью держала в руках, и сказала: «Мать ты ведь отдаешь себе отчет, что когда умрешь и нам придется убирать в твоём доме, будет просто *отвратительно* разбирать после тебя по-

добные вещи, как вот эта коробка, например, набитая человеческими зубами».

– Но это же *твои* зубы, – возразила я. – Я же не серийный маньяк, который коллекционирует зубы своих жертв. Это же ваши зубки, на память о вашем детстве.

Джейн выдала очередной свой фирменный фыр.

– Все равно это *отвратно*, – не унималась она. – Если бы ты *убивала* людей, выдирала у них зубы на память, это было бы понятно. Но *зачем* ты хранишь наши зубы?

Когда-то давным-давно наступил волшебный момент, когда мы с Саймоном на цыпочках вошли в комнату Джейн, она уже заснула, вся такая хорошенькая, в своей модной пижамке, розовощекая, как ангелочек, и уже видела прекрасные сны о зубной фее и подарках, которые та ей приготовит на утро. Мы тихонечко, чтобы не разбудить, вытащили из-под ее подушки выпавший зубик, который она там спрятала для зубной феи, и положили вместо него монету в один фунт (новенькую и блестящую). Саймон и я еще долго стояли подле кровати, взявшись за руки, в восторге и умилении смотрели на этого маленького человечка, плод нашей любви, на это чудо, которое сотворили вместе. Мы потом положили этот зубик в специально купленную для этого шкатулку и все поражались, как быстро растет наша девочка. Будет ли у нас с Саймоном еще шанс, когда мы с ним вместе будем делать что-либо ради детей?

Конечно, с годами стандарты качества неуклонно снижа-

лись – под подушку уже клали любой однофунтовик, какой бы старый и потертый он ни был, – а зачастую я и вовсе забывала, и когда рассерженный ребенок врывался в нашу спальню с жалобой на Зубную Фею, которая не выполняла свои обязательства, я спешно выискивала в кошельке монету, начинала нарочито «тщательно» шарить под подушкой и всегда «находила» там денежку, пеняя им на то, что они просто хорошо не посмотрели. К счастью, их всегда удавалось провести, и теперь я все время ругаю их, когда они не могут ничего найти, говорю им, что они просто хорошо не посмотрели. Но сейчас, когда я держу в руках эту мрачную коллекцию пожелтевших зубиков, на некоторых даже остались следы крови, потому что Питер иногда, в корыстных целях, не дожидался, чтобы само выпало, а просто брал и вытаскивал шатающийся зуб, сейчас на эту коробку действительно страшно смотреть. С другой стороны, а) признавать это перед Джейн я не стану, и б) мне стоило довольно многих усилий собрать всю эту коллекцию их зубов, и потому расстаться с ней просто так я была не готова. Вдруг эти зубы для чего-нибудь пригодятся?

– Для *чего* они могут пригодиться? – в ужасе воскликнула Джейн. – Мать, ты серьезно? Для чего конкретно тебе нужна коробка, набитая человеческими зубами? Ты планируешь заняться колдовством? Глаз тритона, хвост питона, зуб ребенка, клюв цыпленка? Вот поэтому ты заводишь куриц – все расхваливаешь их, какие они общительные, а на самом

деле они тебе нужны, чтобы приносить жертву и гадать на их внутренностях, вымазавшись их кровью? Только без меня, я в этом участвовать не собираюсь. Если ты затеешь подобное, я сразу уеду жить к папе. Это уже чересчур, мать.

– Чего? – в полном замешательстве устала я на нее. – Какое отношение имеют детские зубы к жертвоприношениям сатанистов? Что ты из меня делаешь живодера? Никаких обрядов с заклинанием куриц я не собираюсь совершать. Да и самих куриц мы *еще не* завели, а ты меня уже обвиняешь в тайном желании их убивать!

И в этот самый момент явился Саймон собственной персоной, дабы забрать своих любимых детей.

– Папа, если мама станет сатанисткой и начнет резать куриц, я перееду жить к тебе, хорошо? – таким приветствием Джейн встретила отца.

– Эээмммм, привет, милая, – сказал Саймон. – С чего это твоей маме становиться сатанисткой?

– Не сатанистка я, – резко сказала я.

– Она собирает человеческие останки, – мрачно сказала Джейн.

– НИЧЕГО Я НЕ СОБИРАЮ! – заорала я.

Да уж, не так представляла я себе момент, когда Саймон впервые придет навестить нас в моем новом доме. Разбирая вещи, я совсем забыла о времени, и вместо того, чтобы одеться элегантно и вместе с тем небрежно, накинуть кашемировый свитерок, натянуть сексуальные шкуры и какую-ни-

будь коротенькую на грани приличия мини-юбку, которая не скрывала бы мои все еще приличные ноги, и встретить его, томно устроившись на диване в своей грациозной гостиной, я стою посреди дома, в котором произошел взрыв из коробок, в стоячих от грязи джинсах, потому что ранее утром выгуливала Джаджи и он меня забрызгал грязью с ног до головы, без макияжа, с невымытой головой, судорожно вцепившись в шкатулку с зубами. Тем временем Саймон в поисках нового собственного стиля отошел от растянутых джемперов в сторону более дорогих вязаных кардиганов и даже, видимо, пытался отпустить что-то типа небрежной стильной щетины. А может, у него просто не было времени побриться. В любом случае, ему это шло. Сволочь. Я с ненавистью посмотрела на него.

– Понятно... – сказал он, мудро решив, что самое лучшее в этой ситуации просто игнорировать услышанное и вести себя как ни в чем не бывало. – Джейн, ты готова? А твой брат?

Джейн удивленно на него посмотрела.

– Готова? Что, типа прямо сейчас? Ну нет, мне нужно еще собраться. И откуда мне знать, что там Питер делает? Я не его мать.

Я вздохнула.

– Полагаю, тебе лучше пройти на кухню и подождать. Чаю будешь?

– А кофе нет?

– Сейчас посмотрю.

По крайней мере, на кухне было все распаковано и более-менее убрано. Я потянулась за банкой Nescafe, но Саймон меня остановил: «А нормального кофе нет? Ты же знаешь, я не пью растворимый».

Я заскрежетала зубами.

– Нет, Саймон. Нормального кофе нет, потому что у меня нет кофемашины, потому что я не пью кофе, и держу я дома растворимый кофе только на случай гостей, а предложила тебе чаю только из вежливости, потому что пытаюсь изо всех сил поддерживать хоть какие-то дружеские чувства между нами, хотя бы создавать их видимость, чтобы не травмировать эмоционально и не напрягать душевно наших детей, тем самым обрекая их на пожизненную психотерапию, потому что мы не смогли вести себя как подобает взрослым людям, но должна признаться, что у тебя превосходно получается все испортить, как бы я НЕ СТАРАЛАСЬ НАХРЕН ДЕРЖАТЬ СЕБЯ В РУКАХ!

– А ты что, кофе не пьешь? – спросил Саймон. – С каких это пор?

– Я не пила кофе с тех самых пор, как ходила беременная с Джейн, – ответила я. – Редко, ОЧЕНЬ редко, я могу выпить латте в кафе, но в остальное время я вообще не притрагиваюсь к кофе, потому что меня от него тошнит еще с первой беременности, выворачивает почище, чем в «Изгоняющем дьявола». Как это ты умудрился не заметить, что я не пью

кофе все последние ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ?

– А как же тогда кофемашина, которую я тебе подарил на день рождения несколько лет назад?

– Это ты про тот подарок, когда я сказала: «Ммм, какой замечательный подарочек на мой день рождения ты сделал сам себе, ибо Я НЕ ПЬЮ КОФЕ!»

– Я думал, ты так пошутила. Поэтому ты отдала мне кофемашину?

– Да, Саймон, поэтому. Какой смысл захламлять свою кухню огромной блестящей никчемной кофемашиной, если Я КОФЕ НЕ ПЬЮ! Может, теперь до тебя доходит, почему мы разводимся?

– Из-за кофе?

– Нет, кофе – это просто метафора.

– Ты уверена, что лучше говорить метафорами?

– Нет, не уверена. В любом случае, этот вонючий кофе не единственное, что символизирует ту пропасть, которая легла между нами.

– Вон оно что, – сказал Саймон. – Тогда можно мне просто чаю?

– Да пошел ты! Пей что хочешь. Я пойду проверю, готовы ли твои дети к отъезду.

Наверху я постучала в комнату Питера, прислушалась на несколько секунд у двери и еще раз постучала. Я всегда боюсь, что войду в неподходящий момент и застаю своего сына врасплох, после чего уже никогда не смогу смотреть на

своего мальчика прежними глазами. Пока я там стояла под дверью, мысленно добавила в список покупок упаковку бумажных салфеток мужского размера. В конце концов я позвала: «Питер! Питер, папа приехал. Ты готов?»

Наконец Питер открыл дверь и уставился на меня непонимающе.

– Папа?

– Да, папа приехал.

– Папа? Приехал? Зачем?

– Чтобы забрать вас. Вы поедете к нему на эти выходные.

– ЭТИ выходные?

– Да.

– Типа СЕГОДНЯ?

– ДА.

– Но я не могу сегодня.

– Почему это?

– Потому что я сейчас дошел до важного места в игре, а у отца нет нормального компа.

– И что? Собирайся, ты едешь к нему.

– Можно взять с собой комп?

– НЕТ! Возьми с собой трусы и еще что-нибудь.

– Трусы? Зачем?

– ЧТОБЫ ТЫ ИХ ТАМ ПОМЕНЯЛ. ГОСПОДИБОЖЕМОЙ. ПРОСТО ВОЗЬМИ СМЕННУЮ ОДЕЖДУ.

– Так бы и сказала.

Тут я пошла стучать в комнату Джейн.

– Ты там готова? – крикнула я.

– Я крашусь, – крикнула в ответ Джейн. – Брови не могу никак накрасить.

Наконец, спустя ЧАС беготни от одной двери к другой, вверх-вниз по лестнице, моих криков, их визгов (и все это время Саймон преспокойно сидел на МОЕЙ кухне, за МОИМ столом, уминал МОЙ шоколад и никак не участвовал в сборе СВОИХ детей, чтобы провести с ними СВОЙ уикенд), я помахала им рукой на прощание.

Два дня. Целых два дня. Только я одна. Что делать? Я могла бы выйти на пробежку (ну уж НЕТ!). Может, почитать книжку по саморазвитию? Да где уж там, перво-наперво надо закончить распаковывать вещи и убраться в доме.

Как же тихо. Я открыла следующую коробку, в ней были DVD, среди которых я нашла диск с записью выпускного утренника в садике Джейн. Мне срочно потребовалось его пересмотреть, а потому понадобилось найти ноутбук с DVD-приводом. Глядя на этот утренник, я разрыдалась, как тогда, в тот самый день, когда она закончила садик и я плакала от мысли, что моя малышка уже так выросла и скоро пойдет в школу. Она была такая *маленькая*. В те далекие дни, когда они были маленькими, едва начали ходить, я думала, что они никогда не вырастут. Я была уверена, что они останутся маленькими навсегда, и бог свидетель, какими же длинными, нескончаемыми казались те дни, по сравнению с ними вечность была ничто. А потом, внезапно, когда я чуть отверну-

лась, они подросли – и на тебе! – стали совсем взрослыми.

Я глянула на часы. 14:41. Ах ты ж как быстро! Разве время не... должно тянуться бесконечно, когда тебе не надо метаться по дому, как бешеная собака? Годами я мечтала о таком моменте – чтобы не кружиться в погоне за собственным хвостом, чтобы было время только для себя, чтобы было место только для себя, чтобы была моя собственная комната или хотя бы возможность просто посидеть часочек дома наедине с собой, без потасовок и криков детей, что они хотят есть, требований, чтобы я ускорила интернет, или клянчанья моей кредитки, чтобы купить что-то по интернету, со слезными обещаниями вернуть деньги, которые я так никогда больше и не увижу. И вот наступило оно – время для себя, – а я прямо растерялась, что же мне делать с самой собой?

Пойду-ка я посплю, решила я. Прикорну на часок. Когда я в последний раз могла себе позволить заснуть днем? Эээ, наверное, еще до рождения детей. Знаю, знаю, все говорят, что когда у вас маленькие дети, то вам нужно спать днем одновременно с ними, а тогда скажите, пожалуйста, где взять время, чтобы помыться, приготовить ужин, поставить стирку, оплатить счета, посмотреться в зеркало и увидеть отражение незнакомого лица с синяками под глазами, смахивающего на физиономию вашей матери? Вот именно, как раз тогда, когда малыш спит. А потому, наконец, после непрерывной пятнадцатилетней депривации сна я заслужила дневной сон. Быстро спать! Прямо сейчас!

Я устроилась с Джаджи на диване под уютным «одеялом» (господи, смогу ли я когда-нибудь нормально выразиться и говорить уже «одеяло» или же некоторые слова навсегда впечатались в мой мозг только в детском варианте? В равной степени я не могу удержаться от порыва засюсюкать «СМОТРИ! КОРОВКА! ЛОШАДКА! КАК КОРОВКА ГОВОРИТ? КОРОВКА ГОВОРИТ: “МУУУУУ!” КАК ЛОШАДКА ГОВОРИТ? ЛОШАДКА ГОВОРИТ: “ИГОГО-ООО!”» каждый раз, когда мы проезжаем поле с пасущимися животными), и мы приготовились сладко заснуть.

Чем больше я старалась заснуть, тем труднее было это сделать. Я глядела в потолок и думала, что будет, если я умру прямо сейчас? Кто меня обнаружит? Начнет ли Джаджи глотать мой труп к моменту, когда дети вернутся домой в воскресенье вечером? И его людоедские наклонности так шокируют и отвратят их, что они поспешат избавиться от Джаджи и отправят его подальше в какой-нибудь приют, где уже *он* сам помрет один-одинешенек, хоть собакам не возбраняется есть любое мясо, включая человечину. Мысль, что Джаджи обречен на одинокую смерть в холодном бетонном загоне, была просто невыносима, где уж тут уснуть.

Идея поспать была отброшена, и вместо этого я начала листать инстаграм.

Может, детям плохо у Саймона и они покажут в своих постах, как им туго, а мне станет хорошо. Только вот Джейн меня заблокировала, а Питер ничего не постил уже несколь-

ко месяцев, кроме счета в играх. И ПОЧЕМУ ЭТО МОЯ СОБСТВЕННАЯ ДОЧЬ ЗАБЛОКИРОВАЛА МЕНЯ В ИН-СТЕ? Вместо ее профиля я зашла на страницу Идеальной Мамочки Идеальной Люси Аткинсон. Та проводила выходные за спа-процедурами, как и подобает девушкам. А почему бы мне не заняться девчачьими штучками, лежа в горячей ванне и попивая шампанское? Хотя от шампанского у меня отрыжка и я не принимала горячие ванны с тех самых пор, как прочитала в одной статье, что ванна – это не что иное, как контейнер для супа из бактерий. Да хоть бы и так!

А что там подельывает Фиона Монтегю? Ой, смотрите все, она на тренировке, готовится к триатлону, постит фоточки с мотивирующими цитатами, выглядит сногсшибательно, вся затянута в лайкру. Да пошла ты, Фиона, шлюха, увела из семьи мужа. Но несмотря на ее развратный вид, даже Фиона была не дома и развлекалась, оййй, смотрите же все, она снова запилила новую фоточку – ножки торчат из ванны, в руке бокал вина, потому что она, к вашему сведению, готовится к головокружительному свиданию. Сучка крашенная.

К кому бы еще толкнуться? Что там у Дебби из HR? Дебби у нас выбралась на бранч с «толпой друзей» и поставила в конце #любитьсьмеятьсяжить. Чувствую, придется мне когда-нибудь заказать ее киллеру. У Кристины, моего бывшего психотерапевта, только глупые цитатки о том, чтобы оставаться верным себе. От этого мне немного полегчало, хотя Кристина могла бы постараться и запостить что-нибудь по-

интереснее.

Снова я принялась искать Саймона в инсте, хоть он всегда был неумолим в этом отношении, однако глядите, что творится, вот он собственной персоной! @SimonRussell30 (очень креативно, Саймон, полагаю, что «30» – это просто рандомное число, уж не надеешься ли ты, что люди подумают, что тебе тридцатник?). А чего это он завел себе аккаунт, после стольких лет сопротивления и неприятия? Фоток пока немного, хотя есть фотка с прошлого вечера, где чокаются две бутылки пива, и подпись #пятница! Ах ты сукин сын. Во-первых, кто до сих пор говорит «пятница»? Даже я знаю, что это уже не круто. Во-вторых, почему это он в пятницу вечером выбирается попить пивка, в то время как я провожу вечер пятницы, горбаться на его детей, готовлю им ужин, стираю их вещи, чтобы они могли с чистым бельем и в чистой одежде поехать к нему на выходные, а потом когда у меня наконец-то выдалась свободная минутка, чтобы хоть чуть-чуть пригубить вино, так нет, мне пришлось ехать забирать Джейн после киносеанса, потому что «автобус перестал ходить», – тот самый автобус, который ехал мне навстречу из города, когда я мчалась туда, поскольку Джейн считает, что если она не успела на автобус, так это автобус виноват, он просто не приехал вовремя, и потому я должна решать эту проблему. А в это время Саймон накатывал *пятничное* пиво. И в-третьих, вторая бутылка – чья? Кто держит вторую бутылку? Конечно, это мог быть коллега с

работы, но маленькая бутылка 0,3 из-под импортного светлого пива, это вам не мужские пол-литра, посему вторая бутылка могла принадлежать девушке. Я поймала себя на том, что все ногти себе искусала, пока скролила фотки Саймона. Тег #НовыйРоднойОчаг стоял под другим высокохудожественным снимком его, по всей вероятности, гостиной (что-то я бабушкиного серванта не вижу. Куда ты его дел? После всего того крика, что ты поднял, когда я покрасила сервант в новый цвет, ты просто взял и выбросил его? ГРУБО РАБОТАЕШЬ). Гостиная выглядела миленько, намного элегантнее, чем моя простецкая комната. Но #НовыйРоднойОчаг? Он там с ума сошел? И вообще, он знает, что не надо ставить хэштэг перед каждой тупой фразой? Дебил.

Тут я открыла свою страницу, чтобы посмотреть на нее глазами Саймона. Совсем не вдохновляюще. На последней фотке была гора коробок и простая подпись «День переезда!». Могла бы и постараться. Я жаждала, чтобы Саймон скукоживался от зависти каждый раз, когда видел мои посты и эпичные фотографии. При условии, конечно, что он их смотрит. А чего бы ему не смотреть? Если он, конечно, не занят по самые уши тем, что жарит в #НовомРодномОчаге после пятничной попойки какую-нибудь двадцатитрехлетнюю пивососку с улетным телом без растяжек и со стоячими сиськами. Господи боже мой! Так именно этим он и занимался, пока я батонилась на продавленном диване, пытаюсь сдерживать слезы от мысли, что я и мой пес-людоед умрем без люб-

ви в одиночестве.

В конце концов, на случай, если Саймон все-таки улучит минутку посреди своего плотного расписания порочного секса и заглянет на мою страницу, чтобы поглумиться над своей бывшей надоедливой ведьмой-женой и возрадоваться своей свободе и #жизнелюбию рядом с юным сексапильным телом (которое может изворачиваться и принимать самые невероятные позы без того, чтобы кричать от боли «Ой, подожди, подожди, что-то в бедре хрустнуло»), я пошла, приняла ванну и запилила фотку в стиле Фионы Монтегю, с бокалом вина, пропустила ее через миллион фильтров, чтобы добиться мало-мальски эротического эффекта, подписала «Выходные начинаются здесь и сейчас!». Немного, но хоть что-то.

Тщательно помывшись (оказывается, ничего такого декадентского в приеме ванны нет, когда в ней больше делать нечего, кроме как мыться), я стала думать о том, что же делать дальше, и перспектива долгих томительных часов ничегонеделанья не на шутку озадачила меня и даже несколько встревожила. Я пребывала в такой уверенности, что у меня внутри залежи неиспользованных резервов и мне не будет скучно самой с собой, но, оказалось, что я так давно не оставалась наедине сама с собой, что весь кладезь моих внутренних ресурсов превратился в кладбище, и даже сиськи неумолимо тянуло к земле, а волосы поблекли и потускнели.

«Черт побери!», чертыхалась я, когда в очередной раз не

смогла зайти в Netflix, Джейн игнорировала все мои сообщения с просьбой прислать пароль, Питер клялся, что отродясь не знал пароля к Netflix, потому что смотрит все на ютубе. Жаль, что я была такой самонадеянной и полагалась на внутренние резервы, и даже не продумала заранее, куда бы пойти, – может, встретиться с друзьями или заняться хоть ЧЕМ-НИБУДЬ. Смутно подумала, а не пойти ли в кино одной, как НЕЗАВИСИМАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА, но не была до конца уверена, одолею ли одна ведро попкорна, потому как попкорн был единственной причиной идти в кино. Да и потом надо было надевать бюстгальтер. Это было слишком, я сдалась и пошла читать «Наездников». Раз уж мне, по всей видимости, больше не светит предаваться сексу, то хоть почитаю, как другие этим занимаются.

Но тут – аллилуйя! – позвонили в дверь. Кто бы это мог быть? Я прямо-таки ринулась к двери, сгорая от нетерпения. Вообще бы не удивилась, если бы там стоял здоровенный фермер, который явился, чтобы высказать мне недовольство тем, как я по незнанию, конечно же, совершила нечто ужасное и нарушила деревенский этикет, и хотя поначалу он будет очень сердит на меня, а я посчитаю его надменным и строптивым, все же от моего внимания не ускользнут его прекрасные голубые глаза и его мускулистое тело, когда он запрыгнет на свой трактор, а он, конечно же, в свою очередь, безнадежно втрескается в меня по уши с первого взгляда и будет влюбляться все сильнее и сильнее, и мои очарователь-

ные оплошности горожанки в деревне будут вызывать в нем раздражение и еще бóльшую страсть до такой степени, что он не выдержит и признается, что притворялся, что любит ту надменную Снежную Королеву из соседней усадьбы, только чтобы помучить меня, хотя на самом-то деле он во мне души не чаёт, так что все у нас с ним сложится замечательно. И не важно, что я бросилась открывать дверь в мятой пижаме, с крошками на груди, потому что *всем известно*, что в таких сценариях, чем страшнее, растрепаннее, помятее ты выглядишь, тем больше шансов, что главный герой влюбится в тебя без памяти...

На пороге стояло двое свидетелей Иеговы. Джаджи мог бы хоть из благодарности за еду сделать вид, что гавкает, но он даже не пошевелился на диване.

Я потащила назад, еще более унылая, чем до этого, размышляя, может, уйти в запойный просмотр семи сезонов американского ситкома? В дверь снова позвонили. А эти свидетели Иеговы просто так не сдадутся, подумала я, они решительно настроены спасти мою грешную душу от вечного проклятия, хотя слушать их я, конечно, не буду. Я резко открыла дверь настежь, готовая разразиться потоком встречных аргументов, начиная с того, что я их уважаю, но я атеистка, и не хотят ли они послушать о моей религии, о том, что Бога нет, а есть только НАУКА.

На пороге стояла весьма благодушно настроенная группа моих друзей: Колин, Сэм, Ханна и Чарли. Конечно, не здоро-

венный фермер, который должен в меня влюбиться, но хоть кто-то. Да что уж там, намного лучше, чем фермер, потому что, если честно, кому захочется возиться снова с эмоциональными потрясениями и вступать в любовные отношения с фермером?

– Вы как тут оказались? – спросила я.

– А ты умеешь встречать своих старых и лучших друзей, – отозвалась Ханна.

– Мы подумали, тебе нужна компания, – сказал Сэм, – первый раз одна ночуешь в новом доме. Страшно же провести ночь одной, без детей.

– Откуда вы знаете? – спросила я.

– Джейн сказала Софи, что сегодня ночует у Саймона, – ответил Сэм. – И мы подумали, что нет лучшего способа провести субботнюю ночь, чем у тебя дома. Будем перемывать косточки Саймону, сволотить его и вообще всячески тебя поддерживать.

– Похоже, будет весело, – согласилась я.

– Я буду кричать «Саймон козел» громче всех, – заявила Ханна.

– К тому же, – добавил Колин, – мы еще не видели твой новый дом, и меня просто разрывает от желания соответствовать стереотипному гею, который ходит по дому и критикует интерьер. Ну и, конечно, я поддерживаю все то, что Сэм сказал.

Колина я люблю. Сэм, после того как его подлю бросил Ро-

бин, прожил несколько лет один, сам воспитывал детей, безуспешно пытался познакомиться в супермаркетах (он прочитал в статье, что мужчинам проще знакомиться в супермаркетах, но похоже, что его тележка, набитая рыбными палочками и детскими йогуртами, отпугивала одиноких незнакомцев, искавших потенциальных партнеров среди продуктовых рядов), в тиндере (я и Ханна, возможно, зря помогали ему в выборе, потому что каждый раз, когда он нам показывал вероятного кандидата на свидание/перепихон, мы с ней дружно кричали: «Нет! Листай дальше!»), потом у него был период, когда он сдался и объявил, что ему не суждено найти свою любовь, и потому он сосредоточится на своем внутреннем Я (на первом занятии по йоге он потянул мышцу и заорал: «Мать вашу, кажется, я порвал себе зад!», после чего его попросили покинуть зал, и ему пришлось смириться с тем, что его внутреннее Я более благосклонно к воздействиям текилы, нежели к позам Лежащей Собаки). С Колином он познакомился в тренажерном зале. «Я вообще стесняюсь рассказывать людям, как мы с ним познакомились. Это так банально», – говорил он.

– А мне Ханна сказала прийти и постараться хоть чем-то быть полезным – подозреваю, я буду забирать еду у курьеров, а потом развезу вас всех по домам. Ну хоть так, надеюсь, принесу хоть какую-то пользу, – сказал Чарли.

Милый, милый Чарли. Второй муж Ханны, настолько чудесен и мил по сравнению с ее первым ужасным мужем

Дэном, о котором можно сказать только то, что он отвратительный мерзкий говнюк. К своему бесконечному ужасу, я впервые осознала, что мне надо было лучше распорядиться своей жизнью и сделать другой выбор, надо было просто выйти замуж за Чарли, а не за Саймона, потому что когда-то, давным-давно, тысячу лет назад, когда мы все были юными, глупыми и безответственными, Чарли был в меня влюблен, но я с жестокостью, свойственной молодости, отказала надежному доброму старине Чарли Каррхиллу, потому что выбрала шикарного, романтического и чуточку опасного Саймона Расселла. В те времена Саймон *был бесподобен*. Полагаю, одно то, что он просто заметил факт моего существования, вскружило мне голову, и я влюбилась в него до беспамятства, по ходу разбив сердце бедняги Чарли.

И посмотрите на нас теперь. Все те надежды, клятвы о любви, которые объединяли нас с Саймоном, свелись к тому, чтобы заставить его ревновать через свой инстаграм. Что если бы я не поддавалась чарам его обольстительной улыбки и манящих глаз, а думала головой и сделала бы разумный взвешенный выбор в пользу Чарли? Я встряхнула головой. Никто не заслуживает Чарли больше, чем Ханна (моя наилучшая и закадычнейшая подруга, напомнила я себе), и даже думать не смей в этом направлении... Я бы превратилась в монстра. Если мне суждено что-то вынести из этого проклятого развода, так это желание стать лучше. Нести добро и тому подобное, так чтобы весь мир меня полюбил, а

маленькие дети кричали бы мне вслед, когда я шла по улице: «Да благословит вас господь, мэм», и я бы не умерла в одиночестве, всеми брошенная. Однако пока что я ничего такого прекрасного не сделала, если не считать поста в инсте до этого. Ну, есть шанс это исправить, ретвитну что-нибудь попозже. Да и потом, как бы ни был замечателен Чарли по отношению к Ханне, со своей первой женой он был ничуть не лучше, чем Саймон со мной, так что ему тоже далеко до Идеала.

– Эллен, ты там так и будешь стоять и пялиться в пространство или все-таки пойдешь и откроешь бутылку чудесного шампанского, что я прихватил? Иди, неси бокалы, пока я тут осмотрюсь и пойму, почему все твои картины висят не там и не так, – распорядился Колин.

– Твое мнение о том, где висят мои картины, не имеет значения, – заявила я. – Они развешаны так специально, чтобы скрыть множественные огрехи интерьера. По той же самой причине диван стоит там, где стоит. Все находится там, где нужно, иначе будет совсем уж страшно.

Колин вздохнул.

– Все веселье мне портишь, – выдал он. – Как мне, спрашивается, быть по-настоящему голубым и выражать себя, если ты осаживаешь меня на каждом шагу?

– Колин, дорогуша, ты корпоративный юрист, ты выражаешь себя, отнимая дохрена денег у противных корпораций, а не гарцуя тут по дому и расставляя мебель. Если так хочется

выпустить своего внутреннего гея, просто поставь Мадонну и оставь диван в покое, – сказал Сэм.

Колин надулся.

– Ты же знаешь, что я не люблю Мадонну, – обиженно сказал он. – Я не весь состою из клише. Ну да ладно, Эллен, давай выпьем за тебя! За новый дом, новую жизнь, новое начало, новую тебя! Как ты себя ощущаешь?

– Немного растерянно... – призналась я.

– Ох, Эллен, – сказала Ханна. – Конечно же, ты растеряна, это же естественно. В этом и состоит возможность для начала чего-то нового. Представь, если бы Дэн со мной не развелся, я бы так и застряла с ним.

– Но ведь Саймон не Дэн, – печально ответила я. – В том смысле, что он мог временами лентяйничать, но он не был плохим. У нас было много чего хорошего. Я же его люблю. Любила. То есть я хотела сказать, что я его любила раньше.

– Это самое сложное, – сказала Ханна. – Самый сложный период, когда ты думаешь, что тебя задвинули навсегда на самую дальнюю полку, и ты умрешь без любви, одна в сыром подвале, в окружении двух десятков кошек. Помнишь, у меня тоже такое настроение было?

– Что-то смутно припоминаю. А вот я точно умру без единой любящей души рядом, одна в этой сырой хижине, с плесенью на стенах, там-сям развешанными картинками, а стая терьеров сглодает мой труп. Я уже вижу, что розочки вокруг дверей – это не розы, а всего лишь дикий шиповник.

– Ну тогда, может быть, самое время вернуться назад в игру? – предложил Колин.

– Назад в большой спорт, как говорится, – добавил Сэм, хитро подмигнув.

– Спорт? Игра? – повторила я в замешательстве. – О чем это вы? Считаете, мне надо вернуться в спорт? Начать играть в теннис? И ездить верхом? Или на велосипеде? Или в триатлон, как Фиона Монтегю?

– Ну можно назвать это и верховой ездой, – усмехнувшись, еще раз подмигнул Сэм. – Держите меня семеро, Фиона подалась в триатлон? Я уж думал, что у нее скорее мажорка побежит, чем она сама.

– Сэм, – прервал его Колин. – Твои двусмысленности не работают, а подмигивания, наоборот, озадачивают. Никогда больше так не делай при мне. И мы тут не Фиону обсуждаем.

Сэм пробурчал что-то себе под нос.

– Да нет, же, Эллен, – продолжил Колин. – Мы тут намекаем, что тебе надо вернуться в игру под названием «ходить на свидания». Найди себе мужчину. Немного витамина Х. Ты же привлекательная женщина, *в расцвете сил*, тебе же надо этим пользоваться, и мы подумали, что тебя надо надоумить, немного к этому подтолкнуть.

Я уставилась на них обоих в шоке.

– Нет. Сразу... нет, и все. Я не могу. Это невозможно. И пожалуйста, не называйте меня женщиной в расцвете сил, потому что это мне напоминает о фильме «Расцвет мисс

Джин Броди», в котором сумасшедшая, озабоченная фашиствующая училка плохо кончила. Я же не нацистка-нимфоманка, благодарю покорно.

– Но, Эллен, разве тебе не хочется секса? – мягко спросил Колин.

– Нет, – резко ответила я. – Не хочется. Я скучаю по Саймону. Я скучаю по человеку, которым он мне казался. Я скучаю по тому человеку, которому я могу рассказать, как прошел мой день на работе, даже если он меня не слушает, он хотя бы чаю принесет в постель воскресным утром. Я скучаю по тому, с кем прожила почти всю свою жизнь, и когда я вижу что-нибудь забавное, то я знаю, что есть на свете человек, кому это тоже покажется забавным, стоит только отправить смешное сообщение или фотку, и он без лишних объяснений поймет меня. Мне не хватает того человека, который помнит, как сделали первые шаги наши дети, какое первое слово сказали, как пошли в школу. Мне не хватает того, кто знает меня так, как только можно узнать человека, прожив вместе с ним двадцать пять лет бок о бок. И он не был таким уж вредным все это время. Было у нас много хорошего, когда он вылезал из своих паршивых свитеров и надевал красивый джемпер, который я ему покупала. Мы столько с ним смеялись вместе, а теперь мне даже не с кем поехать в круиз по Нилу, когда я состарюсь. С кем мне делиться своим возмущением от того, что туры в каталоге SAGA так подорожали? Мне плохо от мысли, что теперь, когда дети выросли и по-

явились и время и деньги, мы не сможем вместе делать все то, о чем так долго мечтали. Мне *этого* не хватает, а не вашего долбильного СЕКСА, уж простите за прямоту!

И тут я разрыдалась. Горькие, едкие слезы, которые я сдерживала в себе месяцами, после тех кипучих, злых и обиженных слез, пролитых в тот вечер, когда он сказал мне, что ему нужно «личное пространство», и когда я решила, что мне остается либо продолжать жить дальше, либо плакать, но делать это одновременно не получится, потому что я могу утонуть в слезах. Но оказалось, что слезы никуда не делись, они, как и всякая жидкость, нашли лазейку и просочились теперь наружу. Я заходилась плачем снова и снова, а бедняга Сэм пытался неуклюже меня успокаивать, поглаживая неловко по спине и приговаривая: «Ну, хватит, не плачь». Колин отправил его на поиски бумажных салфеток и «настоящей выпивки, дорогуша, покрепче, чем твое дамское шампанское, но ради бога, не бери джин, ей и без него уже хреново!» Я пыталась прорыдать что-то связное про упаковку платков мужского размера в шкафу под лестницей, но Колин обнял меня своими огромными лапищами и держал в объятиях, пока я исходила слезами, и не отпускал, пока буря моих эмоций не улеглась, и я увидела, что вся его рубашка спереди мокрая от моих слез и, что еще хуже, от моих же соплей.

Когда мои завывания приутихли и сменились болезненной икотой и шмыганьем, которые всегда появляются в конце очень серьезного приступа плача, Колин вручил мне

огромную пачку салфеток и стакан с водкой пополам с то-ником.

– Полегчало? – спросил он.

– У-гу, – залпом хлопнула я водки.

– Кажется, тебе давно надо было выплакаться, – мягко сказал он.

Мне точно надо было выплакаться. Я почувствовала, как впервые за все эти месяцы внутри у меня все посветлело и прочистилось.

– Эллен, – сказала Ханна. Ты что, правда до сих пор любишь Саймона? Ты сожалеешь, что развелась с ним?

– Не знаю, – призналась я. – Все так запуталось. Мы ведь с ним прожили вместе так долго, и я так сильно обиделась и разозлилась на то, что он сделал, но я была уверена, что мы будем вместе до конца, как-то все образуется, а он начал нести этот бред про «личное пространство» и то, что не уверен, любит ли меня, и прочую ерунду, что я прямо не знаю... Сейчас все так странно, жить без него, потому что у нас были и хорошие моменты, ты же знаешь. Знаю, что тебе он казался не самым адекватным, но я-то его люблю, то есть любила, и несмотря ни на что в глубине души я всегда была уверена, что и он меня любит. Я просто думала, что мы вот так и состаримся вместе. А теперь оказывается, что нет. И к этому надо привыкнуть, к тому, что остаток своей жизни я буду одна и не с кем будет поехать на пенсии кататься по Нилу.

– Справедливости ради надо сказать, что ты годами пыта-

лась убедить Саймона отправиться в путешествие по Нилу, а он всегда отказывался от этой идеи, говоря, что ты первая будешь разочарована, что на борту круизного лайнера никого не убили и тебе не посчастливится надеть шляпу с вуалью и приняться за расследование загадочного убийства, не выпуская из рук джина с тоником. Саймон последователен, он бы не отправился с тобой и на Восточном Экспрессе, потому что в реальной жизни убийства так часто не случаются, а это просто не вписывается в твои агатокристиевские фантазии, – заключил Колин.

– В самом деле, все происходит именно так, как мы сейчас говорим, – продолжал Сэм. – Тебе кажется, что вот оно все, конец, ты обречена на вечное монашество, но ведь на дворе двадцать первый век, детка, люди каждый день расходятся, находят новых партнеров, живут себе дальше. Посмотри на меня. Посмотри на Колина. Посмотри на Ханну с Чарли. У нас у всех за плечами разводы или разбитые отношения, и мы все нашли себе кого-то нового. Почему ты думаешь, что у тебя не получится?

– Я не говорила, что у меня не получится, – заметила я. – Я сказала, что я *не могу*. В этом разница.

– Ну а почему ты не можешь? – спросил Колин в недоумении. – Если ты до сих пор *любишь* Саймона и понимаешь, что совершила ужасную ошибку, в этом случае, наверно, еще не поздно сообщить ему об этом, не ведите себя как Скарлетт О’Хара и Рэтт Батлер, слишком гордые, чтобы при-

знать в чувствах. Если тебе нужен Саймон, сделай что-нибудь для этого. Вы ведь фактически еще не в разводе – просто забудь все, что произошло, и двигайся дальше, и не будем к этому больше возвращаться.

– Да *не страдаю* я по Саймону, – сказала я, вспомнив его утренний нудный разговор про кофе и его никчемность в отношении детей: когда надо было быстро собрать их, потому что официально он отвечал за них все это время, а он просто сидел на кухне и ничего не делал. Потом подумала, что, наверно, позже он запостит фотки того, как сейчас дымится от жаркого акробатического секса, пока его дети заперты в шкафах. – Я просто скучаю по его обществу и по тому, как все было понятно между нами в наших отношениях. В любом случае я сейчас не смогу объяснить вам, почему я не могу искать себе другого. Просто поверьте мне, что это пока так, – закончила я, залпом допив свой стакан.

Спустя еще две водки с тоником, когда Чарли ушел за едой, я подумала, может быть, стоит *объяснить* всем присутствующим, почему мне предстоит провести остаток своей жизни в одиночестве и безбрачии.

– Я не могу заняться сексом с другим мужчиной, – объявила я.

– Почему нет? – удивился Колин.

– Ну конечно же ты сможешь, – заявила Ханна. – Не говори мне, что была целомудренной невестой, когда вышла замуж за Саймона, к тому времени ты у нас уже не раз гуля-

ла с парнями, пока не подцепила мистера Расселла! Что уж далеко за примером ходить, ты ведь и с Чарли спала!

– Что? С *твоим* Чарли? – удивился Колин. – Когда это она с ним спала?

– К вашему сведению, *она* все слышит! – холодно сказала я. – Спасибо тебе, Ханна. Я думала, что мы договорились не упоминать о том прискорбном случае, когда я переспала с Чарли, уж по крайней мере это было не тогда, когда вы стали парой. А случилось это *так* давно, Колин, что ни Саймона не было на горизонте, ни намека на Ханну и Чарли вместе не было и в помине.

Колин, который ожидал услышать что-то более пикантное, выглядел разочарованным.

– Ну, раз уж ты в прошлом была не прочь предаться старому доброму сексу, – сказал он, – отчего бы тебе не вернуться на эту скользкую и извилистую дорожку вновь?

– Потому что я не могу раздеться догола! – выпалила я. – Я не могу снять одежду перед мужчиной! Только не *сейчас*!

– Малышка, понятно, что ты стесняешься, – сказал Сэм. – Знаешь, мужчины тоже стесняются. Боятся, что кто-то будет смеяться над размером его члена (не то, чтобы *кто-то* смеялся над моим. По этой части *ко мне* претензий не было, знаете ли).

Колин хмыкнул.

– Или женщинам может показаться... там, ну не знаю, что мошонка такая неэстетичная.

Колин хмыкнул еще раз.

– *Дорогой*, может, хватит уже хмыкать? – сказал Сэм. – Ты своим хмыканьем только мешаешь. Эллиен, ну ты меня поняла. Ужасно снимать одежду перед незнакомым человеком. Но не забывай, что и этот незнакомый человек испытывает то же самое.

– НЕТ! – воскликнула я. – СОВСЕМ НАОБОРОТ! У мужчин все по-другому!

– Вовсе нет, – миролюбиво возразил Колин. – Может показаться, что нам все равно, но на самом деле мы тоже *очень* переживаем по этому поводу.

– НЕТ! Мужчинам никогда не понять, о чем я тут говорю. Ваши тела не деформировались из-за родов. Мой живот выглядит как сырое дрожжевое тесто.

– Зато в сравнениях своих ты умудряешься оставаться в рамках приличия среднего класса, – вставил Колин одобрительно.

Ну ведь *похож*, весь обвислый, в рытвинах и растяжках. И этого не исправишь походами в тренажерный зал. Никакие жимы лежа не загладят последствий беременности. А моя грудь? Когда-то она была упругой и стоячей, а сейчас? Сейчас я боюсь снимать лифчик зимой, а то пол слишком холодный, примерзнут сиськи и не отдерешь.

– Ну не преувеличивай, – возразил Сэм. – В одежде ты выглядишь нормально.

– Вот поэтому-то я и не могу ее СНИМАТЬ, – пыталась

донести я до них эту мысль. – Более-менее приличный прикид не означает, что под ним не скрывается старое дряблое тело.

– Ну это ты слишком строга к себе, – старался смягчить меня Колин. – На самом деле все не так ужасно. Ты на себя наговариваешь.

В ответ я задрала свою кофту и выставила на обозрение свой живот, весь перепаханный бороздами растяжек. Все остолбенели на секунду, но затем с трудом совладали с собой.

– Да нормально, честно, – сказал Сэм.

– Хотя и выглядит как сырое дрожжевое тесто, как это ни странно, – с интересом добавил Колин. – Растяжки похожи на пупырышки наверху фокаччи. Может, тебе попробовать нанести искусственный загар? В конце концов, хрустящая пропеченная корочка хлеба выглядит аппетитнее, чем сырое тесто.

– КОЛИН! – воскликнул Сэм.

– Ну, я пытаюсь как-то помочь, – защищался Колин.

– У меня тоже было такое чувство, когда я начала встречаться с Чарли, – заметила Ханна. – Но потом прошло.

– Но ты ведь уже была знакома с Чарли до этого. Вы же были старые знакомые. Чарли не считается за *незнакомца*.

– Да, но он никогда не видел меня голой до этого.

– Но ведь это Чарли. Милый, добрый Чарли. Ты знала, что он замечательный, добрый человек и к тому же обожа-

ет тебя. Если мне и предстоит заняться сексом, то это будет кто-то совершенно незнакомый. Ну не то чтобы с первым встречным, просто когда спишь двадцать пять лет с одним и тем же человеком, любое другое тело для тебя будет совершенно новым и незнакомым. Что если я неправильно занимаюсь сексом? Что если сейчас все делают по-другому, а я и не знаю? Я даже и не представляю, как сейчас выглядят пенисы, я же только у Саймона видела.

– А у Чарли не помнишь? – с любопытством спросила Ханна.

– Что *там* у Чарли, я и вовсе позабыла. Вытеснила из сознания напрочь. Даже думать не хочу, какой пенис у Чарли.

– Почему Эллен думает о моем пенисе? – спросил Чарли, так невовремя вернувшись с едой.

– Да *не думаю* я о твоём пенисе! – в сердцах воскликнула я. – И о других пенисах тоже не думаю. Вообще не думаю ни о каких пенисах. Никогда не думала, даже не помню, какая реакция у меня была, когда у Саймона увидела пенис, ну пенис и пенис, все они одинаковые, думала я. А сейчас *дотрагиваться* до чужого члена, не говоря уж о том, чтобы, ну как бы это... странно. Слишком интимно. Я буду чувствовать себя неловко.

– А может, тебе понравится? – предположил Колин. – Никогда не узнаешь, пока не попробуешь.

– Это не все, – продолжила я зловеще. – Мои переживания по поводу дряблого живота и чужой пиписки – это не самое

страшное.

– Только не показывай нам свою грудь, – взмолился Колин.

– Не собираюсь я демонстрировать свои сиськи, – заверил я его. – И не о них сейчас речь. То, от чего я в тихом ужасе, не увидит ни один мужчина. Ну, разве что мужчина-гинеколог.

Сэм и Колин посмотрели на меня с опаской. Чарли поспешно ретировался на кухню, бормоча, что надо бы еще еду подогреть.

Я кивнула.

– Да, вы правы. Проблема в моей вагине. Через нее прошло две человеческие головы. Ее два раза зашивали. Если посмотреть, то она выглядит как растерзанное лоскутное одеялко, вот такой ширины, так что тесно там никому не будет, не то что раньше, вот поэтому я не могу раздеться донага и не суждено мне больше предаваться сексу ни с кем. Для Саймона это было нормально, он же не сразу все это получил, а постепенно привыкал, сначала к растяжкам на животе, к обвислой коже, да и к зашитой-перешитой крестиком вагине тоже привык, это же по его вине, если что. Вы же помните, какая у него большая голова, и дети его большеголовые в него пошли. Поэтому с ним было проще. А как мне перед совершенно посторонним человеком разверзать свои жуткие чертоги? Мне и вам-то их страшно показывать. Так что этого просто не может быть!

– Как бы то ни было, что бы ни случилось, не надо шариться на тиндере и навязываться всяким проходимцам, – строго сказал Колин. – Если встретишь кого-то, с кем у тебя сложатся хорошие отношения, и ты захочешь лечь с ним в постель, вполне вероятно, что он будет настолько любезен, что не станет судить тебя за такие маленькие недостатки и изъяны. Да он сам, скорее всего, тоже будет переживать по поводу своих недочетов. Но сперва вам надо поближе узнать друг друга и только потом думать о постели. Ты не обязана спать с тем, с кем не хочешь.

– А что делать с дикпиками? – захныкала я.

– Ну вообще-то от них тоже есть польза. Подходи к этому разумно: если кто-то кинул тебе дикпик, то сразу его отшивай и не трать на него попусту время. Ну если, конечно, тебе его член не приглянулся...

– Ну ладно, – выдохнула я. – Подумаю потом. Я пытаюсь быть сильной независимой женщиной, которая не нуждается в мужчине, хотя так трудно и тяжело быть матерью-одиночкой и тянуть все самой.

– Ты и *есть* сильная независимая женщина, – твердо сказала Ханна. – И всегда была сильной и независимой, а уж если на то пошло, все эти годы ты сама все и тянула на себе, пока Саймон был на работе или в командировках.

– Да понятно, конечно, что так оно и было, хотя сейчас до меня доходит, что и он *тоже* что-то делал, – ну хоть бутылку вина открывал, чтобы я могла расслабиться в конце тяжё-

лого дня. Об него можно было ноги согреть в кровати. Джаджи мне этого не позволяет, рычать начинает, когда я ноги на него кладу, чтобы согреться. Мне не нужен прекрасный рыцарь в сияющих доспехах, который спасет меня от опасности, нужен просто хоть кто-нибудь, кто подаст бокал вина в конце долгого трудного дня.

– Ну, – сказал Сэм, – не забывай, между прочим, что у тебя есть мы. Ты не одна.

Понедельник, 16 апреля

Наконец-то дети опять пошли в школу, после пасхальных весенних каникул, или как там, черт побери, у них называется этот перерыв в занятиях. Я-то надеялась, что, как только они пойдут в старшие классы, мне станет легче. Я-то думала, что они с возрастом станут более самостоятельными, будут сами просыпаться по утрам и собираться в школу и моя помощь в сборах будет не нужна (хотя с чего это я взяла, что с годами у них появится суперспособность найти хоть что-нибудь из своих вещей, учитывая, что у их отца такой дар отсутствовал начисто?), что они сами себе приготовят завтрак, соберут себе обед в школу и даже, возможно, сподобятся когда-нибудь самостоятельно поужинать. Какая же я наивная, бедная дурочка! Выпихнуть подростков утром из дома – безнадежное занятие, все равно что биться головой о стену, проще трехгодовалых малышек собрать на улицу.

Но все веселье началось еще накануне вечером, когда я пыталась отправить их спать. В положенный час я начала их обрабатывать, что нужно ложиться пораньше спать, потому что завтра начинается школа, и что они еще не совсем взрослые, чтобы сидеть до полуночи, на что мне ответом было нытье, что *все другие* дети ложатся, когда им *захочется*, и никто их не гонит в постель так рано, но я такое слышу уже лет десять, так что на меня это уже не действует. Потом после-

довала перепалка с Джейн, которая считала *несправедливым*, что ее отправляют спать в десять часов, как и Питера, а ведь она на *два года* старше и может идти спать *намного* позже, ответом ей был мой контраргумент, чтобы она сейчас же без всяких разговоров шла в постель, потому что я сама тоже уже ложусь, хотя мне пришлось посидеть какое-то время на кухне, охраняя молоко в холодильнике от рейдов Питера и дожидаясь, когда он все-таки уляжется и заснет, чтобы утром никто не удивлялся, куда это испарились два литра молока, и не жаловался, что теперь нечем заправить хлопья на завтрак. В такие моменты раньше на сцену выходил Саймон в роли разгневанного отца – наслушавшись моих бесполезных криков на детей, чтобы те ложились спать, он басом приказывал всем СИЮ МИНУТУ лечь в кровать, на что оторопевшие от его ора дети приходили в чувство и покорно укладывались в постель. Сейчас такой поддержки у меня нет, и поэтому дети просто игнорируют мои крики.

НО, несмотря на мои яростные призывы выключить свет, он продолжал гореть в их комнатах до одиннадцати. ТОГДА мне пришлось спуститься на первый этаж и вырубить нафиг роутер, на что послышались вопли Питера, что он лидировал в Fortnite и уже должен был победить, и от Джейн, потому что у нее был реально серьезный чат с Милли и Софи в снэпчате, а теперь *ее жизнь разрушена*. И ни один из них даже не подумал прекратить свои занятия, когда им полагалось спать и видеть сны, да к тому же это еще и я *была вино-*

вата, потому что Саймон позволял Джейн сидеть допоздна столько, сколько она хотела.

Разумеется, сегодня утром не стоило удивляться, что эти засранцы не подавали признаков жизни и уж тем более не думали вставать со своих кроватей. Я стучала в двери, орала и топала ногами, одновременно стараясь собраться на работу. Под конец я пригрозила, что зайду с ведром воды и вылью на них. Безрезультатно. Нужно изобрести специальную кровать для подростков, чтобы будильник был подсоединен к электрошокеру: не встал в течение пяти минут после будильника – получи небольшой электрический разряд. И чтобы мощность возрастала по мере лежания в кровати, пока не соблаговолит встать из сна. Некоторым это может показаться жестоким, и, вероятно, это противоречит Женевской конвенции и так далее и тому подобное, но так рассуждают только те, кому не приходилось по утрам вытаскивать подростка из кровати, как бегемота из болота...

За полчаса до того, как нам надо было выходить, Джейн наконец вылезла из своей конуры и закрылась в ванной. Это было сигналом тревоги, ибо для Джейн провести в ванной меньше часа не представляется возможным даже при самом хорошем раскладе.

Я стала бить в дверь и кричать: «Чем ты там занимаешься?»

– Мне нужно помыть голову, – ответный крик Джейн.

– Но ты же мыла голову вчера перед сном, – напомнила

я ей.

– Ну так, значит, мне надо помыть ее СНОВА, – заорала она в ответ.

– Нам всем надо выходить уже через полчаса, если хочешь, чтобы тебя довезли до автобусной остановки, – запрочитала я. – Если мы не успеем к автобусу, ты опоздаешь в школу, и тебя опять оставят после занятий, а меня вызовут к директору и будут распекать за то, что я такая никудышная мать, потому что ее дочь опять опоздала, хотя это не по моей вине, но ведь госпоже директорисе этого не понять, она же думает, что я как мать-одиночка не справляюсь со своими родительскими обязанностями, и, может, даже захочет забрать тебя из-под моей опеки, потому что, если она опять будет на меня смотреть с укоризной, я начну фыркать и закатывать глаза, прямо как ты, когда начинаешь дуться на всех, а в последний раз, когда мы с ней беседовали, она меня даже укорила, что я жую жвачку, а я не жевала, Джейн, пожалуйста, давай хоть сегодня будешь вовремя.

В ответ тишина. Вероятно, Джейн не слышала мою тираду, потому что воткнула свою голову под душ-удлинитель, который насаживается на кран, специально купленный из-за ее страданий по поводу мытья головы. Когда Джейн впервые увидела этот шланг, она не могла скрыть своего отвращения. «Мать, что это за хрень?» – набросилась она с критикой. Я ей попыталась объяснить, что это такой удлинитель на кран, когда мне было столько же лет, что и ей сейчас, все у себя

в ваннных имели такую штуку и с ее помощью мыли голову. Она уставилась на меня с таким же недоуменным недоверием, как и тогда, когда я пыталась объяснить ей предназначение телефонных будок. Честно признаться, я и забыла, какая бесполезная фигня были эти резиновые шланги-удлинители, хоть я и расписывала в ярких красках, что это *то же самое*, что и душ, это было не так, особенно когда он соскальзывал с крана и обдавал тебя водой с ног до головы.

Тем временем Питер наконец выполз из своей комнаты и потащился вниз. Я бросила свои попытки выманить Джейн из ванной и помчалась вниз за Питером, который развалился на кухонном столе и заглатывал галеты Weetabix одну за другой.

– Питер, сколько штук ты уже съел?

Не останавливаясь и продолжая глотать печенье, Питер задумался.

– Шесть, что ли? – наобум сказал он.

– А молоко ты сестре оставил?

– Ну да, – благодушно заверил он меня. – Я еще вдобавок два банана съел, так что молоко мне не нужно.

Его логика меня не убедила, особенно когда в холодильнике находишь доказательства обратного – пустой пакет из-под молока, который, конечно же, он не выбросил, а поставил назад на полку.

– ПИТЕР! Ты опять все молоко выпил!

– Не, мам, не все, – заверил он меня. – Смотри.

Он взял пакет, наклонил его так, что в уголке собралось немного молока.

– Тут еще есть немного.

– Нет там ничего! Вчера вечером был полный двухлитровый пакет молока.

– Да ладно?

– Да ну тебя, может, Джейн просто зальет хлопья апельсиновым соком.

– Да ладно? То есть я хотел сказать, мам, апельсинового сока тоже нет.

– КАК НЕТ? Вчера же была целая пачка сока.

Питер пожал плечами.

– Не знаю. Я только парочку стаканов выпил. А сейчас пачка пустая.

В отчаянии я вздохнула. Я с содроганием представляла себе, как много и часто придется кормить подрастающего Питера, и вот теперь это – моя реальность, он ест так, что я подумываю, а не перезаложить ли мне дом. Когда мы решали с Саймоном, сколько он будет платить алиментов на детей, было просто невозможно никаким законным способом увеличить эту выплату и установить такую сумму, которая бы покрывала расходы на еду для прожорливого подростка с аппетитом как у саранчи, у которого в придачу бычий цепень в ненасытной утробе, потому что по закону, который не представляет, сколько может съесть подросток, Питер должен получать такую же сумму, что и Джейн. Когда у тебя од-

на зарплата, приходится забыть, как раньше беззаботно курсировала между рядов в дорогушем гастрономе и бросала в тележку все, что душа пожелает, теперь наш лучший друг – это бюджетный немецкий супермаркет.

Питер вылил себе в рот последние капли из чашки.

– Мам, кажется, я забыл форму для физры у папы, – сказал он.

– Что? Это почему?

– Ты сказала, что мы будем на выходных жить у него, поэтому я положил ее сразу в коробку с вещами, которую взял с собой к нему, подумал, что так будет проще. Я же не знал, что в воскресенье вечером мы будем возвращаться домой. Прости, мам. Но я запутался жить между двумя домами.

Я хотела было рассердиться на него, но потом вспомнила, сколько путаницы было, когда мои родители развелись, и всегда получалось, что вещи, которые тебе были нужнее всего на тот момент, оказывались в доме у другого родителя.

– Прости меня, Питер, – ответила я. – Прости меня, сыночек, за все, что сейчас творится в нашей жизни. Мне очень жаль.

Питер меня приобнял.

– Да ладно, мам. Просто, знаешь, временами непонятно ничего.

– Знаю. Ты мне всегда говори, если тебе что-то непонятно.

– Ладно, хотя, может быть, ты напишешь записку-отмазку от физкультуры?

В сложившихся обстоятельствах это было единственное, что я могла сделать, и то под строжайшим запретом не говорить об этом Джейн, ведь если она узнает о записке-отмазке от физры только из-за отсутствия формы, то поднимет такой крик, что живые позавидуют мертвым.

Безрезультатно стучала я в дверь ванной.

– ДЖЕЙН! ДЖЕЙН, ШЕВЕЛИСЬ! НАМ ТОЖЕ НАДО В ВАННУЮ, А ТЕБЕ НАДО УЖЕ ЗАВТРАКАТЬ!

Питер все еще торчал на кухне, играя в телефоне, и тут на меня нашла идея.

– Питер, ты же подписан на свою сестру в инстаграме?

– Ну да.

– Можно мне твой телефон на минуточку?

– Зачем?

– Мне нужно кое-что посмотреть по-быстрому, будь так добр?

– Окей.

Я зашла на страницу Джейн. На первых же шести фотках Джейн красовалась в обнимку с каким-то молодым человеком. Он у нас значится как @haggux9876. Захожу к нему на страницу. Еще больше фоток, где он и Джейн, также в обнимку. Теперь понятно, почему она меня заблокировала.

– Кто такой Гаррикс? – спрашиваю я у Питера.

Он уткнулся в телефон.

– Ты про Гарри, мам? Гаррикс – это его погоняло в инсте. Парень из нашей школы.

– Одноклассник Джейн?

– На год старше. Кажется, он ее бойфренд или типа того.

Так, теперь, по крайней мере, ясно, почему она так часто моет голову. Что мне делать? Сказать ей что-нибудь? Тогда она поймет, что я ее отслеживаю. Решила, что не буду ничего говорить, пока посмотрим, что из этого получится, а meantime буду следить за ней с телефона Питера время от времени. После моего продолжительного стука в дверь ванной Джейн соизволила выйти оттуда с высокопарной фразой, что выпрямленные волосы стоят завтрака (я грешным делом подумала, что могу сэкономить на тщеславии Джейн, и пока она прихорашивается, ее еду можно скормить Питеру и его бычьему цепню, однако если учесть все счета за горячую воду и электричество, которые она накручивает феном и утюжками для волос, то никакой экономии не выходит), а Питер уже было нацелился на ее порцию, но Джейн гламурно спустилась по лестнице вся из себя и все ради Гаррикса, под мои крики, что я ухожу из дома прямо сейчас, СЕЙЧАС, и любой, кто не выйдет сейчас со мной, может отныне рассчитывать только на себя.

– БЫСТРО В МАШИНУ, В МАШИНУ! – подгоняла я своим ором. – ДЖЕЙН! Что на тебе надето? Где нижняя половина твоей юбки? Господибожемой, тебя не пустят в школу в таком виде. Тебя отправят домой!

– Мать, отдохни чуток, – сказала Джейн. – ВСЕ сейчас носят такие юбки, не надо быть такой старомодной.

– Иди и переоденься. Хотя нет у нас времени на твои переодевания. Будем надеяться, что никто твою юбку не заметит.

– Мать, ты бы уже определилась, что ли, – фыркнула Джейн. – Тебе ли не знать, что краткосрочная потеря памяти и проблемы с концентрацией внимания – это симптомы менопаузы?

– БЫСТРО СЕЛА В ГРЕБАНУЮ МАШИНУ!

– А также резкие смены настроения, – продолжала она мило. – А еще отеки...

– Какая к черту менопауза, просто сядь ты уже нахрен в машину! – рявкнула я, когда Джейн выплыла из дверей дома, но Питер оттолкнул ее и быстренько устроился на переднем сиденье под ее же отчаянные визги. И тут я подумала, если я пойду на прием к терапевту и на его вопрос «на что жалуетесь?» просто прохнычу «дети-подростки», он мне пропишет валиум? И джин в медицинских дозах?

Наконец я довезла их до автобусной остановки, где мне пришлось выпинывать их из машины, но Питер на полпути застрял в кабине (под мои причитания «Питер, здесь мне нельзя останавливаться, вылезай скорее») и заявил: «Ах да, мам, кстати, мне нужно денег на еду положить на лапу».

– На что?

– Ну, это, деньги на лапу. Тебе надо денег мне на лапу зарядить, чтобы я мог обед купить в школьной столовке.

– На лапу, значит. Сдается мне, что ты изволишь просить

пополнить твой лицевой счет на карточке школьника?

– Типа того. На лапу.

– Ой, и мне тоже пополни, мама, – включилась Джейн. Как только разговор зашел за старый добрый кэш, она вдруг вся сделалась такая милая и улыбочивая, и ее саркастичное «мать» куда-то тоже улетучилось.

– Ну, конечно, раньше напомнить об этом вы не могли, – сказала я им в ответ, а сама еле сдерживалась, чтобы не заорать, но в голове билась мысль «держись, не срывайся, пусть они запомнят тебя милой мамой, а не визжащей кикиморой» с конкурирующей мыслью «почему они никогда не просят об этом Саймона, ну хоть разочек бы попросили? Почему я всегда должна все делать?»

– Так мы тебе сейчас напоминаем! – хором удивленно воскликнули они.

– Смогу сделать это, только когда доберусь до работы. И так опаздываю. Валите уже, прошу вас! – крикнула я, но потом собралась и весело добавила: «Пока, ребятки, мама вас любит. Хорошего дня в школе!»

БЛЯ! Чертова карточка школьника! Или, как настойчиво выражается Питер, «деньги на лапу». Теоретически полезный и эффективный веб-сайт, через который родители могут пополнять карточки своих детей для оплаты школьных обедов (в столовой дети подтверждают оплату отпечатком пальца, поэтому они так их и называют «деньги на лапу»). У меня есть свои фобии и опасения по поводу того, что правитель-

ство может сливать с карточек данные и хранить информацию о детях, хотя на моих детей информация будет ограничиваться тем, что они тратят невероятное количество денег на чипсы и кексы в школьной столовой, потому что фиксируется не только сумма, но и что куплено. Мне сразу стало печально, когда я увидела распечатку их покупок, я до сих пор поражаюсь, как у них еще нет цинги, – должно быть, у них очень выносливый организм, прямо как у меня), экскурсий и других внеклассных мероприятий, и все это можно делать онлайн через карточку, вместо того чтобы давать им наличные, считать сдачу, проверять чеки. Но на самом деле это просто бесконечная утечка денег. Только вроде положишь им на счет сумму, как тут же эти деньги со счета пропадают. Это так напрягает!

Воскресенье, 22 апреля

Прибыли мои несушки! Я подумывала разместить их в сарае, но потом передумала (иногда я удивляюсь, как Саймон, живя в квартире, обходится без сарая, но полагаю, теперь он ему не нужен, чтобы уединяться там от меня и детей, ведь дети приезжают к нему только раз в две недели. Хотя могу поспорить, что он страдает без сарая. И как это до меня до сих пор не доходило, что я могу пользоваться сарайным преимуществом на полную катушку перед беднягой Саймоном, у которого ни сарая, ни кола, ни двора. Я ведь даже могу посыпать солью его рану, когда буду со смехом говорить, что мне сарай настолько не нужен, что я даже иногда и забываю о его существовании! Это несколько сравнивает мои счета за все то время, когда он приходил домой и спрашивал, хорошо ли я провела день дома с детьми, потому что дети тогда были маленькими и я выходила только на временную работу, а все основное время сидела дома, пытаюсь поддержать в нем хоть какое-то подобие порядка, не давая его отпрыскам разнести дом к чертям собачьим, и при этом самой не сойти с ума и хоть изредка попасть в туалет по малой нужде, потому что мой мочевого пузырь уже лопается и вполне вероятно, что это цистит, но каждый раз, как я пыталась сесть на унитаз, кому-то из детей срочно нужна была мамина помощь и внимание... Да уж, если подумать, дразнить его отсутствием

сарая даже близко не сравнится с тем адом. Может, мне просто спалить этот сарай у него на глазах, заливаясь сатанинским смехом и приговаривая, что сарай мне не нужен? Да нет, лучше действовать ему на нервы целым и невредимым сараем, которым я к тому же не пользуюсь...).

Курятник привезли вчера, довольно милый деревянный домик с лесенкой, насестом, отдельными загончиками для каждой курицы и всяческими причиндалами, включая даже специальное проволочное ограждение от лис. Несколько встревожило упоминание в руководстве, что «курятник легко чистить», потому как этот момент я изначально упустила из виду (то есть я полагала, что куры будут оставлять свой помет снаружи, и это как-то естественно впишется в окружающую среду и будет удобрением для травы, но оказалось, что куры так не думали и руководство не читали). Ну и ладно, может быть, дети вызовутся чистить курятник ради меня – и вообще это такое отличное занятие на свежем воздухе. В конце концов, вся эта затея с курами (наряду с тем, что они просто созданы для инстаграма) началась с того, что я где-то прочитала, какой хороший терапевтический эффект дает забота о животных детям, тяжело переживающим развод родителей. Заплатив неприлично большую сумму Кристине ни за что, я посчитала, что цыплята обойдутся мне дешевле, чем сеансы психотерапии для детей, да к тому же я могу рассчитывать на бесплатные яйца в придачу. В припадке куриного энтузиазма я провела весь вчерашний день за покрас-

кой курятника в изумительный сизый цвет, почти как утиное яйцо, так что надеюсь, цыплята оценят мои старания и мы с ними весело об этом покудахчем. Я пыталась было вовлечь в это захватывающее объединяющее и сближающее семью занятие обоих детей, но Джейн вежливо отклонила мое предложение, сказав, что «занята», а Питеру я сама предложила предоставить покраску мне, после того как он минут десять пытался покрасить курятник, но вместо этого обляпал изумительным сизым цветом лужайку, скамейку, яблоню и самого себя с ног до головы.

Когда я зашла в дом, чтобы передохнуть и выпить чашку чая, то увидела огромные следы изумительного сизого цвета по всему дому, что весьма озадачило меня, ведь обувь Питер снял у входа. Как краска попала к нему внутрь обуви? Я сказала себе, что это нестрашно, краска смывается, да и цвет был таким изумительно утино-сизым (может, мне еще и уток завести, как продолжение моего здорового сельского образа жизни? Уже вижу свою ленту в инстаграме: все куры да утки, да грядки восхитительных овощей, и я порхаю между ними в симпатичном комбинезончике, ну ни дать ни взять Фелисити Кендал из сериала «Хорошая жизнь». Всего лишь надо еще над имиджем поработать, чтобы в комбинезоне не выглядеть как советский сантехник в спецовке).

Когда привезли цыплят, дети и вправду вылезли на улицу, чтобы на них подивиться. Цыплята были загляденье, даже Джейн, казалось, попала под их обаяние. Я сказала де-

тям, что они могут выбрать себе курочку и дать ей имя, а я назову оставшуюся. У меня таилась надежда, что имена будут шекспировского масштаба, ну или хотя бы что-нибудь из классической греческой мифологии (я даже намекнула, что они могут воспользоваться греческими мифами для вдохновения, на что Джейн хмыкнула и ядовито сказала: «Может быть, Ясон подойдет? Ты о таком имени мечтала, а, мать?», на что ей было сказано, что мужское имя Ясон не подойдет, потому что все цыплята – курочки, и уж конечно, ни о каком Ясоне я не думала).

– Ну, дорогие мои, – сказала я задорно, – решили, как назовете своих цыплят?

– Да, мам, конечно! – ответили они, заговорщически переглядываясь. Пора бы мне уже запомнить, что ничего хорошего не жди, когда дети вдруг сговариваются.

– Я назову свою Галина, – объявила Джейн.

– А моя будет Бланка, – захихикал Питер.

– Что? Ну нет, вы не можете называть их как бульонные кубики. Как они себя будут чувствовать? Они же все время будут бояться, что мы их съедим.

– Мам, ну это же всего-навсего курицы, – сказал Питер. – Не думаю, что они вообще о чем-то догадываются.

– Эти курицы особенные, они умеют разговаривать, – настаивала я. – Ты не знаешь, о чем они догадываются, а о чем нет. Ты их расстраиваешь.

– Но ты сама сказала, что мы можем назвать их, как хотим,

и мы выбрали такие имена, – твердо ответила Джейн. – А как ты свою назовешь, мам?

– Да ну вас нафиг, – слабо отмахнулась я. – Полагаю, что мне вас двоих не одолеть, придется к вам примкнуть. Не хочу, чтобы моя курочка от ваших отличалась, назову ее Магги.

Ну хотя бы Джейн назвала меня «мам», а не «мать», и в кои-то веки без всякого сарказма. Может, это цыплячье благотворное терапевтическое воздействие и очень скоро все мы будем сидеть вместе по вечерам и играть в настольные игры, собирать паззлы, распевать песни за роялем, как в давние добрые времена, и вообще станем нормальной, здоровой и дружной семьей?

Что до Джаджи, когда я его аккуратно представила курам, его реакция на их имена была чрезвычайно положительной, и он не мог дождаться, когда же курочки будут своим именам полностью соответствовать. Черт. Его. Подери.

Среда, 25 апреля

Ощущала я себя превосходно, я многорукая мудрая богиня домашнего очага, которая легко и непринужденно справляется с хозяйством, а также одна поднимает двух детей-подростков и при этом строит блестящую карьеру (очень важно, когда на работе у тебя есть свой отдельный кабинет. Потому что в его тиши можно заниматься делами, к работе отношения не имеющими, – к примеру, пополнять карточку своим школьникам. Конечно, мне бы было совестно делать это, не зная я, что мой прежний босс, Эд, чей кабинет и пост я сейчас занимала, потому что его тоже повысили и отправили изображать кипучую и бурную деятельность в штаб-квартире в Калифорнии, каждый день запирался у себя в офисе якобы для очень важных телефонных переговоров и просил, чтобы его не беспокоили часа два, а между тем укладывался у себя под столом и просто спал. Посему я считала, что раз уж я отлично справляюсь со своими должностными обязанностями и успеваю закрывать задачи раньше срока, то можно и потратить полчаса высвободившегося времени на личную жизнь. Время, проведенное на сайте Daily Mail, считать мы не будем).

В приступе этой эффективности я зашла в интернет-магазин Sainsbury's, потому что там меньше ненужных, но таких соблазнительных и потому полезных товаров, какие можно

увидеть в тех же самых бюджетных немецких супермаркетах (с ними все хорошо, пока идешь по крайним рядам, но стоит заехать вглубь – и ты пропал в этом Бермудском треугольнике из непредсказуемых и интригующих продуктов), заказала доставку на то время, когда дети придут со школы, и дала четкие инструкции детям, чтобы они разложили продукты по местам к тому моменту, как я вернусь с работы. Конечно же, меня глодало чувство вины за то, что мои бедные дети после трудного дня в школе сидят дома под замком, а еще должны ждать доставку и разбираться с продуктами, но я напредила себе, что: а) замороженные продукты разморозятся, пока я доберусь домой, так что детям придется их засунуть в морозилку, и б) страдания из-за того, что твои дети вынуждены раскладывать по полкам ризотто и пармезан пахивают проблемами белых людей, если вообще считать это проблемой.

Вечером захожу я домой, на меня бросается Джаджи со своим дежурным приветствием в духе «наконец-то ты пришла, как же я тебя люблю, ты смысл моей жизни, проходи, садись быстрее, чтобы я мог залезть к тебе на ручки и рассказать, как же сильно я тебя люблю!», что занимает у него примерно минуты две, а потом он вспоминает, что вообще-то утром я осмелилась оставить его одного и потому заслуживаю наказания и ненависти, хотя мы оба прекрасно знаем, что он провел день отлично в компании замечательной сиделки, которая забирает его утром и привозит вечером, а в

течение дня присылает мне фотки, где Джаджи валяется у нее на диване, предварительно освободив его от подушек, сбросив их все на пол (собственно, как и дома). Такая смена настроений у него повторяется каждый день, так что я больше не переживаю по этому поводу, да и простит он меня сразу же, как только унюхает еду.

В доме, еще утром таком чистом и прибранном, казалось, произошел очередной взрыв. Вереница обуви, школьных рюкзаков и верхней одежды тянулась по всей прихожей. В гостиной вся свободная поверхность была усеяна тарелками и стаканами, на незанятой поверхности дивана разлеглась Джейн, уткнувшись в телефон.

– Привет, родная, – громко сказала я.

Джейн медленно подняла свой взгляд от экрана и промычала что-то невразумительное.

– Доставка была?

– Угу.

– Ты продукты разложила?

– Это не моя обязанность. Это ты должна делать.

– Я не успеваю делать все, Джейн. Просто не успеваю.

Неужели ты не можешь мне хоть в этом помочь? Пойти навстречу?

– Если ты не успеваешь все делать сама, может быть, тебе не надо было с папой разводиться? – огрызнулась Джейн. – Тогда у тебя был бы помощник.

Я не стала на это реагировать и молча пошла на кухню.

Пакеты с продуктами лежали на полу. Джейн потянулась за мной на кухню.

– И к тому же, ты все заказала в *пакетах*! – продолжала она обвинять. – Конечно, зачем тебе, матери, о *нас*, своих детях, беспокоиться. Ведь нам же, типа, *все равно*, в каком мире и на какой планете мы будем жить в будущем.

– Блин, – сказала я. – Должно быть, галочку не туда поставила. Я их отдам в переработку или повторно использую, не переживай ты так.

Джейн снова фыркнула.

Питер с безутешным видом стоял все это время посреди пакетов с продуктами.

– Когда ужинать будем? – простонал он. – Я ТАК есть хочу, мам, а еды *вообще нет*.

– Ужин будет готов где-то через полчаса, – ответила я. – Питер, оглянись, ты стоишь прямо *посреди еды*, хоть бы кто из вас двоих пошевелился и разложил продукты по местам.

– А я *раскладывал*, – запротестовал Питер. – Всю заморозку положил в холодильник, а остальное я не знал куда класть.

Я открыла холодильник. Действительно, он все «положил в холодильник», точнее, все без разбору туда утрамбовал. Прямо на меня из этой кучи вывалился кусок чеддера со следами зубов.

– Кто это сделал? – возмутилась я.

Питер пожал плечами.

– Я ж *говорил*, что есть хочу.

– Ну хорошо, – с угрозой в голосе начала я. – Ужина не будет, пока все продукты не будут разложены по полкам. **ВСЕ** до единого. Мозгами пораскиньте, что куда ставить, это не бог весть какая наука. Даю вам на это **ПЯТЬ МИНУТ**, пока я пью свой бокал вина и прихожу в себя после работы, вы **ОБА** раскладываете продукты, и даже не думайте вякать что-то о гендерных стереотипах и патриархате, Джейн и Питер, вы сейчас же **ВСЕ РАССТАВИТЕ ПО МЕСТАМ И НЕ СМЕЙТЕ НИЧЕГО ЕСТЬ**. Вы же *можете* хотя бы пятнадцать минут держать свой клюв на замке.

Я налила себе большой бокал вина и грозно удалилась к своим болтушкам-несушкам, Джаджи потрусил за мной, не может же он позволить себе дуться на меня, когда меня нет рядом, да еще к тому же я пошла изменять ему с цыпочками. Не исключаю также того, что у Джаджи есть потаенная мечта забраться самому как-нибудь в курятник и устроить там себе незваный ужин для чемпионов. Я уже с ним серьезно говорила по этому поводу, сказала, что мне будет трудно любить его как прежде, если он позарится на моих рябых курочек, несмотря на то, что они еще ни яичка не снесли. Они просто еще не привыкли к новой обстановке.

В ответ на мои жизнерадостные приветствия курочки смотрели на меня зловеще. До сих пор они ни разу со мной не поздоровались. Ума не приложу, чем я их обидела, может, они оскорбились из-за своих имен. Также они наотрез от-

казываются принимать хоть какой-нибудь инстаграмоподобный вид, и каждый раз, когда я достаю телефон, они нахваливаются и обиженно отворачиваются, прямо бери их и помещай на листовку общества защиты животных, а ведь они живут в королевских условиях. К счастью, Джейн, кажется, прониклась к ним симпатией и даже снисходит покормить их иногда, теперь я думаю, может, было ошибкой покупать дорогущих породистых куриц, может, надо было взять и спасти каких-нибудь цыплят из инкубатора, и уж они-то бы смотрели на меня с благодарностью за просторный кров и щедрый корм. Может, все-таки взять инкубаторских? Боюсь только, эти породистые несушки из Суссекса совсем их запугают.

– Вы что думаете? Не хотите себе новых друзей? – спросила я своих курочек. Они уставились на меня с ненавистью. Галина даже выдавила из себя недовольный кудах. Полагаю, что так она сказала «нет».

Я оставила свои попытки завести с ними беседу, потягивала вино и думала, что, по крайней мере, Питер *старается* мне помогать, хоть его попытки и усугубляют ситуацию, тем не менее, может, у него где-то там внутри зародилась случайно мысль, что теперь он – мужчина в семье. Хотя Джейн воспримет эту идею в штыки, ибо для нее это будет проявлением патриархата, и Питер пусть даже не мечтает помыкать ею. В последнее время Джейн носится с темой «засилье патриархата», хотя, как я погляжу, в ее понимании с патриархатом надо бороться не для того, чтобы построить более рав-

ное и справедливое общество, а просто она использует этот предлог, чтобы ни фига не делать и каждый раз тыкать меня носом в мои заблуждения, потому что мне, конечно же, невдомек, как ей трудно живется под пятой патриархата.

Вино кончилось, я устала распутывать сложные мыслительные ходы моих подростков, закрыла цыплят в курятнике на ночь (а то Джаджи никогда мне не простит, если курочки достанутся на ужин какому-нибудь проходимцу-лису) и пошла в дом. Странно, но на кухне продуктов даже прибавилось, они были разложены повсюду, а дети в отчаянии открывали и закрывали шкафы, будто надеялись, что все покупки волшебным образом сами разойдутся по местам.

Я снова вздохнула и пошла дальше в гостиную. Смахнула с дивана шкурку от банана и огрызок яблока (по крайней мере, они у меня едят витамины, пыталась я мыслить позитивно) и рухнула на освободившееся место, чтобы хотя бы пять минут посидеть в тишине и спокойствии, прежде чем начинать колдовать над пастой. В очередной раз. Интересно, чем наши бабушки и их праматери кормили своих детей до того, как мир узнал о существовании пасты? Картошкой? Seriously, разве есть что-то более универсальное и полезное, чем паста? Еще один плюс развода в том, что мы теперь можем есть макароны почти каждый вечер. Саймон не считал их «нормальной едой». Саймону на ужин картофель подавай. Да еще лазанью не забудь. Уж лазанья для него сходила за «нормальную еду», хоть картофеля в ней нет. Иногда я

думаю, что я просто была образцом смирения, что так долго потакала его прихотям и капризам...

Джейн влетела в комнату с банкой песто и вопросом, «куда это ставить?» Я предложила попробовать воткнуть эту банку туда же, где стоят такие же стеклянные банки и жестяные консервы. На что она вновь задала вопрос, «где стоят такие банки?» Я ее послала пойти и самой найти. Питер забежал с вопросом, «можно ли хлеб положить в холодильник?» Ему я предложила попробовать вместо холодильника хлебницу. На что Питер поинтересовался, «а можно ли в хлебницу положить рис?» Мне пришлось заставить себя сосчитать до десяти и несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, после чего я окончательно решила не сдаваться и ни в коем разе не вмешиваться в процесс, потому что меня стали терзать смутные сомнения, что именно этого они и добивались своими бесконечными вопросами и попытками вывести меня из себя. «Им придется научиться ориентироваться на кухне», — напомнила я себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.